

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

СУРЕН ЦОРМУДЯН

КРАЙ ЗЕМЛИ-2

FUTURE CORP.

Сурен Сейранович Цормудян
Метро 2033: Край
земли-2. Огонь и пепел
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «От края до края», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081024
Цормудян С. С. Метро 2033: Край земли-2. Огонь и пепел
(фантастический роман): Издательство АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-104861-7*

Аннотация

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Черда бедствий, ворвавшихся в райский уголок на краю земли, никак не собирается оставить в покое горстку выживших, долгие годы старающихся не потерять человеческий облик.

Эхо давно минувшей войны и ее мрачная тень обволакивают разум людей, готовых сойтись в беспощадной схватке и завершить то, что не довело до конца оружие массового уничтожения много лет назад. И успокоившаяся было стихия Камчатки готовится к самой внушительной демонстрации своей мощи, перед которой меркнет всё... Всё, кроме разума и гуманизма.

Содержание

Вторая часть. Объяснительная записка Вадима Чекунова	6
Глава 1. Фобии	9
Глава 2. Сложные вопросы	27
Глава 3. Переговоры	65
Глава 4. Черная птица	104
Глава 5. Профессионалы	130
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Сурен Цормудян
Метро 2033: Край
земли-2. Огонь и пепел

© Д. А. Глуховский, 2018

© С. С. Цормудян, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Вторая часть. Объяснительная записка Вадима Чекунова

Друзья!

Жаловаться и сетовать на жизнь – не в моей привычке. Но порой так и подмывает найти благодарного слушателя, сесть рядом с ним и голосом Ивана Васильевича Бунша из замечательного кинофильма Гайдая произнести: «Вы думаете, нам, царям, легко? Да ничего подобного!» И посмотреть так многозначительно, с усталым прищуром... Ну, разве что «царя» на «редактора» заменить – из скромности и для правды жизни.

К чему я это? А потому что иногда ну очень, очень трудно разделять себя на «редактора» и «читателя». И тот, и другой начинают бороться внутри тебя, отталкивая друг друга от книги с криками: «Дай мне почитать!», «Нет, это ты мне дай почитать – мне важнее, мне для дела!» «А мне – для себя, мне еще важнее!»

Не секрет ведь, что редактор на работе (а работает редактор по графику 7/24, если кто не знает) читает тексты, которые ему нужно читать, а не те, которые ему хочется читать. Не всегда, конечно, но – в основном. И вот, когда случаются совпадения, и попадается текст, который и нужно, и хочется прочитать – наступают именины сердца. Серия «Вселенная

Метро» такой праздник мне создает регулярно – и даже не раз в месяц, как вам, ее преданным читателям и поклонникам, а чаще.

«Край земли. Потерянный рай» Сурена Цормудяна я поглотил разом – внутренние редактор и читатель сидели рядышком и не мешали друг другу, а лишь локтями подталкивали: «Ты смотри, а!» да «Во даёт!». Когда добрался до последних строк, чертовски стало интересно, что же там дальше произойдет – ведь у меня уже имелось продолжение истории. Но навалилась другая работа – ее и так всегда в редакции выше крыши, а порой просто невообразимо много случается. И внутренний читатель мой (пока редактор делами занимался) принялся изводить меня: «Ну что же ты... Ну хоть в метро почитай продолжение, пока едешь...» Ныл и гудел, целыми днями и ночами, даже спать мешал. Сдался я, послушался и думаю – ну а в самом деле-то, можно и почитать «Огонь и пепел», просто для себя пока, чтобы читатель угомонился.

Ну что в итоге... Дважды или трижды нужную станцию проезжал, было дело.

Вторая часть чего бы то ни было – книги ли, фильма, – вызывает у многих, включая меня, особые чувства и отношение. Это и надежда, что автор или режиссер не подведут, и ожидание чего-то большего. Это и опасение, что может ничего особого и не быть, а то и вовсе плохо получится.

В этом что-то есть. В чем-то вторая часть истории – бо-

лее важная и знаковая вещь, чем первая. Это как настоящее свидание, на которое идешь после первого знакомства: «А ну, как там все будет?»»

А вот прочитаете – и узнаете.

Глава 1. Фобии

От тральщика отчалило несколько больших шлюпов. Тех, что уцелели после цунами. Корабль отбуксировал их на север Авачинской бухты, и теперь дальнейший их путь зависел от силы людей, что сжимали руками весла. Из-за гибели урожая и уничтожения части животноводческих ферм, предполагалось в этом году в разы увеличить улов красной рыбы. Пока предстояло приготовить места для рыболовных лагерей. Сложить там бочки и ящики для улова. Сложить сети. Расчистить места для палаток и заготовить дров, благо после цунами погибших деревьев было много. Они плавали и в бухте, а в речных протоках, впадающих в нее, виднелись крупные завалы из древесины. По мере сил, их предстояло расчистить, чтобы рыба, как и раньше, благополучно могла двигаться к местам своего нереста.

От другого борта тральщика оторвалась большая моторная лодка и, стремительно набирая скорость, двинулась к берегам бывшего поселка Авача.

Александр Цой с тоской глядел на берега, на затерянные среди сопок руины пригородов Петропавловска и на покачивающийся в воде мусор.

– Ищем иголку в стоге сена, – вздохнул он.

– Мы ищем три иголки! – усмехнулся Жаров, который рулил лодкой.

– Мне как-то легче не стало.

– Да успокойся. Найдем мы их.

– С чего такая уверенность? – Голос Цоя свидетельствовал о том, что он не разделял этого странного оптимизма Андрея.

– Да потому что при всем богатстве выбора, логичнее всего им податься именно туда.

Что-то стукнулось о дно лодки, и та качнулась.

– Блин, Жар, аккуратнее! – крикнул Горин. – Угробить нас решил?!

– Спокойно. Это под водой мусор какой-то. Я не видел.

– Ну, так сбавь скорость хотя бы.

– На кой черт я вообще вас взял? – огрызнулся Андрей, но обороты двигателя все-таки снизил.

О том, что на небольшом мысе находился когда-то поселок, едва ли теперь можно было догадаться. Взрыв много лет назад сделал свое дело, а недавнее цунами его довершило. Низины в этом месте были затоплены и захламлены мусором.

– М-да, здорово здесь цунами покуражилось, – вздохнул Женя. – И как я такое зрелище пропустил? Обидно, блин.

Жаров обернулся.

– Обидно? Да в гробу я это зрелище видал! Знал бы ты, через что нам тогда на тральщике пройти пришлось!

– Ты уже пять раз рассказывал, Андрей. Не начинай снова. И смотри лучше на воду. Вон хрень какая-то впереди.

Хреню оказался поплавок с куском крыла гидросамолета. Жаров аккуратно обошел препятствие, и катер вошел в узкий пролив. Однако угадать, куда плыть дальше, было практически невозможно. То, что издали казалось берегами реки, теперь больше походило на топи, плотно заполненные растительным мусором.

– Вот черт. – Жаров выключил двигатель и поднялся во весь рост, осматриваясь. – Да тут все хуже, чем я думал.

– Смотри, вон там дальше возвышенности. Там точно твердый берег должен быть, – сказал Горин, посмотрев в бинокль в северном направлении. – Давай потихоньку двигай туда... Погоди-ка... А это что такое?

– Чего там? – Андрей уставился на Женю.

Горин протянул ему бинокль и вытянул руку:

– Смотри туда. На воде.

Прильнув к окулярам бинокля, Андрей посмотрел в указанном направлении и увидел странную пунктирную линию из оранжевых точек на воде.

– Ага. Вижу... Сейчас подойдем ближе.

Мотор лодки загудел снова, и та двинулась вперед.

– Саня. Саня, слышь? Ты что, уснул?

– Меня укачало, кажется, – проворчал Цой.

– Ты давай, приди в себя и посмотри карту. Мы приближаемся к какой-то речке, что впадает сюда справа. Глянь, это та, про которую я говорил?

– Сейчас. – Александр развернул карту и стал искать на

ней пометки, что сделал Андрей карандашом. – А мы поселок Авача уже прошли?

– Да, он там был, – указал рукой Горин.

– Ну, тогда все верно. Справа река Крутоберега. Только я думал, что она будет несколько уже...

– Да тут все из берегов вышло после цунами, и вода еще до конца не спала.

Катер приблизился к оранжевым точкам, и теперь было видно, что это небольшие поплавки. Жаров выключил двигатель и отцепил от борта багор. Поддев один из поплавков, он потянул его к себе.

– Черт, да это же сети! – воскликнул он. – Здесь кто-то установил сети! Это жаберная сеть!

– Может ее сюда волной принесло? – предположил Горин.

– Да ты посмотри, как она установлена! Это сделал человек!

– Думаешь это они? Вулканологи? – спросил Цой. – Но когда они успели? Едва ли они на своем драндулете успели доехать до этих мест.

– А кто тогда?

– Ну, я-то откуда знаю?

– Андрей, вон к тому берегу двигай, – сказал Горин. – Там почва должна быть твердой.

Катер преодолел еще несколько сотен метров по воде, лавируя между мусором, пока, наконец, не уткнулся в глинистый берег. Помогая друг другу, трое друзей взобрались по

крутому склону берега. Цой тянул длинную веревку, один конец которой был привязан к рыму на носу катера, а на конце второго имелся длинный металлический прут. Вонзив прут в землю, Александр поднялся выше, к Жарову и Горину. Андрей уже разглядывал окрестности в мощный морской бинокль.

– Ну и как, все-таки, их здесь искать? – вздохнул Цой, оглядываясь. Его взор упал на холм необычно ровной формы. Холм был метров шестьдесят в высоту и ничего примечательного в нем кроме формы почти правильной полусферы не заметно. Растительность осталась только в виде небольшой шапки на вершине. А вот над склонами потрудились цунами, выкорчевав деревья и кустарник. Александр воспользовался своим биноклем, что висел у него на шее. Он не настолько дальнзоркий, как тот оптический прибор, что сейчас был в руках Андрея, но и до холма всего-то сотня-другая метров.

– Парни, там какая-то труба, похоже.

– Чего? – Женя вопросительно посмотрел на Цоя. – Какая еще труба?

– Вон, видишь курган? Цунами сняло с него деревья вместе со слоем земли. И сейчас там какая-то труба видна большая.

Горин взял у Александра бинокль и принялся разглядывать то, что так заинтересовало Цоя.

– Ага. Железобетонная труба или... Тоннель какой-то...

Может это сток? Я имею в виду, что там какая-то система очистки канализационных вод. Что думаешь?

– Я думаю, на хрена систему очистки сточных вод маскировать под холм. Андрей, а ты что думаешь?

Жаров продолжал смотреть в бинокль. Он сжимал оптический прибор с такой силой, что побелели руки. Раскрыв рот, он глядел на что-то, не в силах произнести ни слова.

– Эй, – Женя тронул его за локоть. – Андрюха, ты чего?

Жаров, наконец, оторвался от бинокля.

– Они здесь... – выдохнул он тоном, в котором перемешались и растерянность, и ярость, и отчаяние.

– Кто? Вулканологи? – спросил Цой.

– ОНИ! ЗДЕСЬ! – повторил Андрей, наливаясь злостью.

* * *

Два озера с незамысловатыми названиями Ближнее и Дальнее находились к Западу от Вилючинска. О том, что между этими озерами располагались крупные военные склады, знали, пожалуй, все. Продолговатые, покрытые землей и растительностью массивные хранилища даже на спутниковых фотографиях было не сложно рассмотреть, обратив внимание на их неестественную, рукотворную геометрию. К тому же вся территория была покрыта паутиной дорог и дорожек. А ключевым демаскирующим фактором являлась вспаханная контрольно-следовая полоса между двумя ряда-

ми проволочных заграждений. Ее на фотографиях из космоса было видно лучше, чем ангары хранилищ. Когда-то за контроль над этими складами велась ожесточенная борьба между бандами. Кто-то из небольшого штата охраны складского комплекса сам пополнил ряды банд. Но остальные эти банды были просто убиты.

Разные слухи ходили о том, что находится в этих массивных ангарах. Самым популярным предположением было хранение здесь ядерного арсенала для подлодок второй флотилии.

Но банды находили здесь огромные деревянные катушки с сотнями метров электрических кабелей, ящики с лампами освещения, блоки регенерации кислорода, аккумуляторы, гидрокостюмы, тонны электродов для сварочных аппаратов и еще мириады различного барахла. Были здесь и твердотопливные блоки для ракет морского базирования и боеприпасы для корабельных орудий, и даже морские мины. Но никакого оружия массового поражения здесь так никто и не нашел.

Но и Сапрыкин и совсем тогда еще молодой приморский квартет умело играли на слухах и тайнах, которыми были окружены сооружения складского комплекса, провоцируя банды, контролирующиеся различные сектора складов, то и дело устраивать друг другу резню.

Евгений Анатольевич расположился на вершине сопки, находящейся западнее территории складов, которая по пло-

щади была чуть ли не крупнее самого Вилючинска. Отсюда открывался хороший вид и на Ближнее озеро, расположенное к северу от склада, и на сам склад, давно заросший бурьяном и молодыми деревьями.

Привязав коня к ближайшему дереву, Сапрыкин наблюдал за окрестностями в бинокль, держа под рукой и свое оружие. В этих краях были высоки шансы нарваться на стаю бродячих собак. Потомков тех свирепых псов, что когда-то в большом количестве охраняли территорию складов.

Евгений Анатольевич снова и снова сканировал взглядом местность, в поисках людей. Но все было тихо. Конечно, люди из общин иногда посещали ангары, поскольку там и по сию пору было много полезных для жизни общин вещей. Но делалось это организовано и с ведома людей, облеченных властью. К тому же, для похода на склад нужна была внушительная вооруженная охрана, опять-таки из-за стай одичалых собак. Когда-то давно, эти животные разорвали на части не одного человека, пытавшегося обокрасть какой-нибудь из ангаров. Но с тех пор никому не приходило в голову устраивать здесь грабеж. В конце концов, община обеспечивала всем необходимым каждого ее жителя.

Рука легла на пистолет ТП-82. Сапрыкин убрал бинокль и прислушался, взглянув в первую очередь на коня. Тот почувствует опасность несколько раньше. Но конь по кличке Буран спокойно жевал траву.

Снова едва уловимый шорох где-то за ближайшими дере-

вьями.

– Жанна, выходи. А то я с перепугу стрелять начну, – произнес Евгений Анатольевич.

Жанна Хан тут же показалась, наградив его улыбкой:

– Как понял, что это я?

– По реакции коня. Это твоего брата, Борьки, мерин. Тебя он знает и не забеспокоился.

– Вот ведь, – засмеялась женщина. – Не теряешь хватки, дядя Женя.

– Да, есть еще порох в пороховницах. Ты чего здесь одна с винтовкой? Если стая псов нагрянет, скорости перезарядки тебе не хватит.

– Я знаю. Поэтому у меня еще и «стечкин» с собой.

– Следишь за мной?

– Я к тебе домой заходила. Поесть принесла. А там Борис один. Говорит, к вам Жаров какой-то весь перевозбужденный наведывался, а после его ухода ты попросил у Бориса коня и умчал куда-то.

– Ох уж этот Боря. Я же просил, никому ни слова, – разочарованно вздохнул Сапрыкин.

– Даже мне? – удивилась Жанна. Она присела рядом и достала из рюкзака сверток. – Тут вареные яйца и картофельные котлеты. Остыли уже, но ты поешь.

– Спасибо.

Только теперь Евгений Анатольевич почувствовал, как он проголодался, и угощения от Жанны Хан были весьма кста-

ти.

– Ну, а ты что здесь делаешь? – спросила женщина, пока он ел и запивал родниковой водой из фляжки. – Что высматриваешь?

– Можно я воздержусь от ответа? – пробубнил с набитым ртом Сапрыкин.

– А когда у нас друг от друга секреты были, дядя Женя? Я бы и не спрашивала, но чувствую, что что-то не то происходит. Жаров какой-то психованный стал. Да и с тобой что-то творится тоже. Вдруг я помочь могу? Да и почему ты во мне сомневаешься, особенно после всего того, что нам вместе довелось пережить и сделать?

– Я в тебе несколько не сомневаюсь, но... – Евгений Анатольевич задумчиво посмотрел в сторону складов. – Ладно. Сегодня Андрей упомянул некую бомбу и некие качели.

– И что все это значит?

– Видишь ли, существовал один очень секретный документ. Я был посвящен в часть этого документа, по долгу службы. Ну, ты знаешь ту историю уже. Так вот. В том документе упомянут некий объект «Качели». Но я знаю, что объект с таким названием не один. Я точно знаю о существовании, по крайней мере, двух таких объектов. «Качели-3» и «Качели-4». И я очень боюсь, что Андрей каким-то невообразимым образом узнал о существовании этих объектов. Хотя, похоже, это уже очевидно. Но еще больше я боюсь, что он узнает их местоположение. Что он доберется до них.

– Что же это за объекты такие? Что в них?

– Объект «Качели-4», в данный момент находится под нашими задницами.

– Что? – Жанна удивленно осмотрелась и взглянула на траву и землю под собой. – Что это значит?

– Это значит, что на вершине этой сопки оборудован схрон. К тому же, в нем можно жить и скрываться, в случае необходимости. А еще в этом схроне внушительный арсенал, позволяющий в одиночку вести партизанскую войну на протяжении многих лет. Это мой именной схрон, распределенный мне командованием местного отдела ГРУ. Подозреваю, что я такой не один на полуострове и по Камчатке разбросаны еще подобные тайники с оружием, боеприпасами, минами, ядами и прочими игрушками для взрослых.

– Так это отсюда ты черпал ресурсы, когда мы уничтожали банды? – спросила Жанна.

– По большей части отсюда. И поверь. Я тогда взял лишь малую толику того, что еще хранится в моем тайном убежище. – Сапрыкин приподнял лежащую рядом на траве куртку, и под ней лежало автоматическое оружие со снайперским прицелом. – Надеюсь мне не надо тебе объяснять, что это...

– Дядя Женя, – перебила его ительменка. – Ты меня столько лет знаешь. Неужели ты сомневаешься, что я не расскажу об этом даже своим братьям?

Сапрыкин улыбнулся и кивнул:

– Хорошо. И спасибо тебе.

– Ну а «Качели-3»? Ты ведь сказал, что существует еще и объект «Качели-3».

– Все верно. Видишь те склады?

– Конечно.

– Объект «Качели-3» находится под ними.

– То есть, под землей?

– Да, – кивнул Евгений Анатольевич. – Глубоко под землей, в железобетонных саркофагах...

Он вдруг замолчал, помрачнев.

– Ты чего? Дядя Женя...

– Помнишь такую рок-группу – «Ария»? У них песня была – «Воля и разум». А в ней слова... Тысячеглавый убийца дракон... На объекте «Качели-3» головы этого дракона. Послушай, Жанна. Я уже старый. И не так много мне осталось...

– Что еще за разговоры, а? – нахмурилась женщина. – Прекрати это! Ты такой живчик, тебе еще сто лет жить!

– Не надо, Жанна. Оставь. Мне нужен преемник.

– Что еще за преемник?

– Тот, кто будет охранять эту тайну, и охранять этот драконий склеп от неразумных людей. Едва ли я кому-то доверяю настолько, насколько я доверяю тебе. И пусть этим хранителем станешь ты, раз уж ты здесь и настояла на этом разговоре. Под землей, под этими складами, находятся семьдесят четыре специальные боевые части для крылатых ракет «Оникс», «Гранат», «Циркон», «Калибр». Также там на-

ходятся сорок две специальные боевые части для межконтинентальных баллистических ракет морского базирования. Как ты понимаешь, большая часть из них – термоядерные. А порядка десяти процентов – экспериментальные. Я не знаю, что в них за начинка. Но судя по тому, куда их запрятали, там что-то не менее страшное, чем водородная бомба. Помимо всего прочего там двадцать тактических ядерных зарядов малой мощности. Предназначены для переноски одним человеком – диверсантом. Это еще не все. Также там хранятся восемь новеньких капсул, готовых для загрузки в силовой отсек атомных подлодок. Это восемь ядерных реакторов и также там топливные элементы к реакторам.

– Святые боги и духи предков! – выдохнула Жанна. – Я уже не рада, что пришла сюда!

– Соберись. Ты самый мужественный человек из известных мне живущих на планете людей. Ну... После меня конечно... – Сапрыкин подмигнул и улыбнулся ей. – Ты сама хотела знать правду. Вот теперь живи с этим. И береги это. Охраняй это.

– Но я не понимаю как... Как это до сих пор могло остаться тайной, Анатольевич? Ведь и банды, и потом после банд, столько раз обыскали эти склады. Почему никто об этом не знал?

– Об этом знали, Жанна. Об этом знали капитаны подлодок и старшие офицеры, ответственные за ракетное вооружение. Но они все были на боевых постах, где и погибли во

время ударов. Об этом знало несколько старших офицеров из группы охраны складов. И они погибли, приняв первый бой с теми, кто хотел взять склады под контроль. Апокалипсис пережило три человека, знавших этот секрет. Один из них перед тобой. Второго я ликвидировал, когда понял, что все выходит из под контроля и власти больше нет, а он склонялся к тому, чтоб войти в какую-то из банд. Третий пропал, вместе с семьей. Некоторое количество лет спустя я нашел его. Точнее то, что от него осталось. Он увел семью туда, в эти подземелья. И жил там с ними... А потом, похоже, его родные вымерли. Когда я нашел их останки... То... В общем, он извлек из контейнера одну из боеголовок. На ней было восемь отметин от пуль пистолета Макарова. Он стрелял в боеголовку. Но даже если в нее кинуть гранату, то взорвется лишь граната. Нельзя привести в действие атомный боеприпас, если он не на боевом взводе. Странно, что он это забыл... В общем, сменив обойму в пистолете, он выстрелил себе в голову. Я даже представить не могу, как он жил там годы под землей... Но, надо отдать должное. Он унес эту тайну в могилу. А что до того, почему никто ничего не нашел... Там, в ангарах, полы из особо прочных и массивных силикатных блоков. Кому придет в голову их выковыривать? А ведь некоторые из них – это люки в шахты с подъемниками, в которые способен уместиться грузовик. Процедура ввоза или вывоза особых изделий происходила так: ночью, группа офицеров с соответствующим допуском к секретам

закрывалась в нужном ангаре. С ними охрана из ребят вроде меня. Далее, при помощи некоторых манипуляций, ящики и другое имущество, что находилось на полу, над люком, перемещалось в сторону. Люки вскрывались. Люди опускались в подземелье и доставляли на подъемник то, что значилось в секретной накладной. Поднимали наверх. Закрывали люк. Возвращали то, что находилось на этом люке. Ставилось все на место с ювелирной точностью. А утром на склад приезжали грузовые машины с конвоем. Ни водители, ни конвой, ни большая часть охраны склада не имели понятия, что и откуда взялось. К тому же, если помнишь, там хранилось много бутафории. Так что все думали, что боеголовки хранятся в верхних ангарах, и понятия не имели о подземельях. О них знали разве что те, кто их строил. Но строителей, насколько я знаю, привозили из других регионов России. Более того, по контракту они не должны были знать, где находятся и что строят. А может, это вообще было построено при СССР. А уж там секреты хранить умели.

Пораженная всем только что услышанным, Жанна хмуро смотрела в сторону складов, пытаясь мысленно оценить разрушительный потенциал упрятанного под землей дракона.

– Как в старинных сагах, – усмехнулся Евгений Анатольевич. – Владыка тьмы и зла заточен в подземелье. И я охраняю его темницу. После меня, этим займешься ты.

– Что же это получается, дядя Женя? Еще до войны на ремонт встала лодка и ей должны были заменить реакторы.

Старые выгрузили и увезли. Новые установить не успели. И вот уже много лет приморский квартет ремонтирует эту лодку, и тщетно пытается найти, где хранятся реакторы для нее. Так?

– Все так, – Сапрыкин кивнул.

– И эти реакторы здесь? Восемь штук? Хотя лодке нужно всего два. Почему ты им не отдашь эти реакторы?

– И как я это сделаю, Жанна? Придя за реакторами, они увидят и боеголовки. В верхних ангарах до сих пор есть твердотопливные носители. Все элементы пазла. Соедини боеголовки с носителями. Загрузи получившиеся ракеты в лодку. Загрузи туда же реакторы. И на твои плечи свалится самый дьявольский соблазн, самое чудовищное искушение, которое только можно себе представить. Ведь в твоём распоряжении окажется арсенал, способный опустошить территорию размером с Европу, и лодка, способная пересечь весь земной шар. Много лет назад победило искушение, а не разум. И цивилизации не стало. Что победит в этот раз?

– Да, ты прав, – вздохнула Жанна.

– Ну, это обычное явление, – Сапрыкин усмехнулся. – Ладно. Скоро начнет темнеть. Никто здесь так и не появился. Видимо я переполошился зря. Садись на коня...

– В паре километров меня ждет брат. Митя. Там и моя лошадь. Надо поймать какую-то дичь, чтоб объяснить, зачем ты вдруг отправился в сопки.

– Уже поймал, Жанна. У меня в мешке три зайца.

Это не могло привидеться всем троим сразу. Александр Цой видел сейчас то же самое, что только что разглядели в бинокль и Андрей и Женя. Примерно в четырех с небольшим километрах от катера, на правом склоне небольшого ущелья, были уцелевшие дома. Среди них сновали люди. И это не три предполагаемых вулканолога. Людей гораздо больше. Но, самое главное, на одном из зданий развевался американский флаг.

– Что за шутки? И что это за люди? – проворчал Александр.

– Неужели не ясно?! – нервно вскинул руки Жаров. – Это американцы! Они высадили все-таки свой десант! Это оккупация!

– Извини, конечно, Андрей. Но как-то иначе я себе представлял военный десант и оккупационную армию. Там я вижу женщин. Детей...

– Что это меняет?! Они замаскировались! Посмотри! Там же вокруг танки! Бронетехника!

Цой на мгновение оторвался от бинокля и с сомнением взглянул на Жарова. Но тот говорил, точнее, восклицал, с такой убежденностью в своих словах, что Александр поневоле и в самом деле стал искать взглядом военную технику.

– Андрей, там нет никаких танков.

– Смотри внимательней! Они повсюду! Вон, в низине холмики!

– Где? Черт, Андрей, да это же старые разбитые машины, кустами заросшие. Их с верхних улиц туда ударной волной накидало, наверное. Никакие это не танки!

Андрей вырвал из рук Цоя бинокль:

– Они хотят, чтобы ты так думал! Очнись! Это вторжение!

– Там действительно нет никаких танков, Жар, – вздохнул Горин. – Однако машина вулканологов там есть. Они уже добрались сюда.

– Я так и знал! Они в сговоре с американцами! И у Крашенинникова водородная бомба! И они применяют ее против нас!

– Да погоди ты орать, Андрей! – воскликнул Цой. – Как они ее применяют, если она уничтожит здесь все, в том числе и их самих?! И как вулканологи могут быть в сговоре с американцами?! Если бы мы их не выгнали, то они так и продолжали бы жить в казарме на противоположном берегу!

– Все это уже не важно! – Жаров быстрым шагом направился к катеру.

– Куда ты пошел?

– Нам надо вернуться. Нам надо объявить мобилизацию! Это война! И мы сбросим интервентов в Тихий океан!

Глава 2. Сложные вопросы

Здание было не столь велико, как казарма. Но много ли места надо для трех человек?

Окна предстояло заделать к зиме. Либо раздобыть стекла для них, что в перемолотом ударными волнами Петропавловске было маловероятным. Антонио был очень рад, что из их нового дома открывался прекрасный вид на Авачинский вулкан, который стал вдвое ближе, чем раньше. Первым делом Квалья выбрал место для себя и там же стал монтировать телескоп. Это было достаточно просторное помещение в левом от входа торце здания. Михаил и Оливия не мешали ему и не просили заняться чем-то другим. Здание, которое, похоже, было каким-то придорожным кафе когда-то, с несколькими гостиничными номерами на втором этаже, больших усилий по уборке внутренних помещений не требовало. Это уже до них сделали американцы. Похоже, кто-то из них хотел обустроить здесь бар, но их ферма еще не способна была давать достаточно ресурсов, чтоб производить не только пищу, но и алкоголь. Рядом с их новым домом, на вершине холма, имелась ровная площадка и здесь, похоже, американцы упражнялись в стрельбе. Судя по количеству гильз и отметинам от пуль на бетонных блоках с мишенями, недостатка в оружии и боеприпасах к нему беженцы с алеутских островов не испытывали, что навевало на Крашенинникова

мрачные мысли. Ближе к вечеру, они поработали над своим новым жилищем достаточно, чтобы заслужить сегодня спокойный сон и оставить остальные труды для нового дня. Да и Оливии не терпелось спуститься вниз по склону, в американскую общину и познакомиться со своими соотечественниками.

Михаил не горел желанием общаться с новыми соседями, справедливо полагая, что он уже сказал достаточно в беседе с шерифом. Но и оставлять Оливию одну, пусть даже и с ее соплеменниками, он не желал.

Они вышли из нового жилища, и Квалья присоединился к ним. Солнце уже касалось вершины той сопки, на которой они недавно прятались от цунами. Поразительно, как расстояние способно изменить до неузнаваемости местность, в которой они прожили столько лет, и которая теперь была где-то там, далеко, за водами Авачинской бухты.

– Посмотри, Миша, как мило, – улыбнулась Собески. – Они все собрались у костра.

Оливия немного ошиблась. Костер был не один, поскольку собралось около двух сотен человек, или даже больше. Люди общались между собой, что-то грели на огне, кто-то играл на банджо, и ему аккомпанировала губная гармошка и гитара. К своему неудовольствию, Крашенинников заметил, что на доме шерифа теперь не один флаг, а два. Вторым флагом было желтое полотнище с изображением скрученной в пружину гремучей змеи в центре и надписью под ней: – Don't

tread on me¹.

Неторопливым шагом к ним шел Карл.

– Хай. Я как раз шел к вам. Хотел пригласить на наше вечернее собрание. Люди хотят узнать о вас больше. И у них очень много вопросов.

– У меня тоже вопрос, Карл, – произнес Михаил. – Прямо сейчас.

– Конечно, сэр. Я слушаю.

– Что это? – Крашенинников указал на желтое полотнище со змеей.

– Ах, это? – шериф усмехнулся, на мгновение обернувшись. – Это флаг Кристофера Гадсдена. Один из первых флагов моей страны. Еще времен войны за независимость.

– Вам мало одного флага? – Михаил хмуро смотрел на американца.

– Знаете, в гораздо позднее время, этот флаг часто использовался как символ разногласий с действующей властью. В данном случае он символизирует то, что находящиеся здесь люди никак не представляют интересы госдепартамента, Пентагона или ЦРУ. Мы простые американцы.

– И вы думаете, что этот Гадсденовский флаг поможет? Что люди с того берега поймут, что он символизирует?

– Если не поймут, я постараюсь объяснить. Надеюсь, с вашей помощью. Но флаг Соединенных Штатов со своего офиса я не сниму. А теперь идемте со мной. Пора всем познако-

¹ Не наступай на меня. Не дави на меня (*англ.*).

миться.

Разговоры начали стихать, когда вулканологи приблизились к поселенцам. Умолкли банджо и губные гармошки. Взоры обратились к новичкам. И во взглядах этих Крашенинников видел разное. Подозрительность, недоверие, враждебность, любопытство. Но не только это. Кто-то смотрел приветливо, с теплотой и даже радостно. Встреча новых, живых и вполне цивилизованных с виду людей, очевидно, не могла не радовать.

– Присаживайтесь. – Шериф указал на большое бревно, лежащее с противоположной от поселенцев стороны в нескольких метрах от центрального костра. Бревно находилось чуть выше по склону и все беженцы с Алеутских островов без труда смогут видеть своих новых знакомых. Сам Карл повернулся лицом к своим соплеменникам.

– Мои собратья американцы²! Жители Нью Хоуп! Как вам всем уже известно, в нашей общине появились неожиданные гости...

– Они назвали свое поселение «Новая надежда»? – шепнул Квалья. – Тогда быть может, мы назовем наш новый дом «Возвращение джедая»? Хотя нет... «Империя наносит ответный удар»! Точно!

Крашенинников прикрыл лицо ладонью:

– Черт тебя дери, Тони, не вздумай меня сейчас смешить.

– Хотя, я думаю, будет не совсем корректно называть этих

² В оригинале эта довольно известная фраза звучит так: «mi fellow americans».

людей гостями здесь, – продолжал шериф. – Эти люди много лет прожили в данном регионе. Они знают его гораздо лучше нас. Более того. Один из них родился здесь. Вырос в городе, который здесь был когда-то, и работал здесь. Это, – он указал на Крашенинникова, – русский, Михаил Крашениконофф...

– О, великий Зевс, ткни в этого сбирро³ молнией, – простонал Квалья, морщась от произношения фамилии его друга.

– Тони, угомонись уже, – прошептал Михаил. – На Камчатке не бывает молний⁴. И Зевс греческий бог, а не римский.

– Неаполь все же греки основали...

– Помолчите вы оба, – шикнула на них Оливия.

Тем временем шериф продолжал свое вступление:

– Волею судьбы, здесь оказался гражданин Италии. Антонио Квалья. Вот он.

– Всем привет! – махнул рукой Тони.

– Но самым неожиданным, конечно, является то, что среди наших новых друзей...

– А почему мы должны быть уверены, что это друзья, Карл?! – крикнул кто-то из толпы.

Шериф окинул всех взглядом и, сдвинув свою шляпу на

³ Сбирро – жаргонное название полицейского в Италии.

⁴ Грозы на Камчатке все-таки бывают. Но это крайне редкое и необычное явление в данном регионе.

затылок, кивнул:

– Так. Быть может, сначала договорю я, потом свое слово скажут эти трое людей и уже после этого вы начнете задавать вопросы? Как вам такая гениальная мысль, черт возьми?

Большая часть поселенцев одобрительно закивала.

– Замечательно, – снова кивнул шериф. – И лично тебе, Гувер, я докладываю, что у нас американская демократия, а не сборище хиппи на Вудстоке! Так что если еще раз посмеешь меня перебить, я быстро надеру тебе зад! Итак. Это – миссис Оливия Собески. И она из Монтаны. Она гражданка Соединенных Штатов Америки. – Риггз повернулся к ней: – Прошу вас, миссис Собески.

– Что? – она поднялась, и растерянно посмотрела на шерифа. – Что мне говорить?

– Расскажите, как вы здесь оказались. Как выживали. Расскажите об этом месте. Прошу, не волнуйтесь. Перед вами ваши соотечественники и им будет интересно вас выслушать.

– Привет... Здравствуйте друзья... Я – Оливия... – начала сбивчиво говорить Собески, при этом робко улыбаясь и до сих пор с трудом веря, что перед ней действительно ее живые соотечественники.

* * *

Мотыльки и комары тихо бились о стекло большой мас-

ляной лампы, будто им настолько вся эта жизнь осточертела, что они решили самоаннигилировать в пламени, к которому не подпускало это подлое стекло.

Андрей Жаров поднял воспаленные от недосыпания и нервозности глаза на вошедших. Цой впустил вперед себя клуб табачного дыма и переступил порог. За ним вошел Горин.

– Пятнадцать человек от Вилючинска и пятнадцать от Приморского будут на причале, на рассвете. С оружием и боеприпасами, естественно, – сказал Женя.

– Итого тридцать? А чего так мало? – развел руками в возмущении Андрей.

– Потому что мы не можем забрать все автоматические оружие из общин, Жар, – ответил Цой. – Или ты забыл? Вместе с нами – тридцать три человека.

– А Никита?

Женя и Александр переглянулись.

– Это не лучшая мысль, втягивать его в эту историю, – сказал Горин. – Ты и это забыл? Он утром уезжает в Рыбачий. Какие-то железяки там хотят собрать для ремонта жилищ. Нам бы Сапрыкина подключить.

– Да пошел он к черту! – бросил Андрей.

– Жар, он профессиональный диверсант...

– Да старый он пень! Пенсионер!

– Он нужен нам, Жар!

Андрей поморщился, мотая головой:

– Слушайте, да он нас на хрен пошлет и откажется. А я не буду перед ним унижаться и просить. Ясно?

– Тебя никто и не заставляет, – пожал плечами Цой, покусывая мундштук трубки. – А чего это ты там пишешь?

Андрей отложил перо и взглянул на только что заполненный черными строчками текста лист бумаги:

– Да уже написал, собственно. Это воззвание к нашему народу. Речь, которая должна вдохновить людей на освободительную войну.

– Черт возьми, Андрей, ты вообще о чем?! – воскликнул Горин. – Какая освободительная война?! Нас что, захватили и оккупировали?!

– Жень, ты что, идиот? Ты флаг видел?

– А ну, дай почитать, – Цой взял листок и уставился в текст, попыхивая трубкой. Чем больше он вчитывался в написанное его другом, тем более хмурился и мрачнел. – Что за... Вековечный враг? Убийцы наших отцов и матерей? Рабовладельцы? Орды иноземных варваров?! Андрей, да ты в своем уме?!

– А что не так?! – крикнул мгновенно вскипевший Андрей. – С чем ты, чтоб тебя, не согласен?!

– Орды варваров?! Какие орды, Андрей?! Я человек двадцать насчитал! Может тридцать! И среди них, между прочим, дети! Это они убийцы отцов и матерей?!

– Из них вырастут убийцы!

– С чего ты вообще это взял?! Ты хоть понимаешь, что

наши люди верят нам?! – негодовал Цой. – Понимаешь это?!

– Разумеется!

– И если перед нашими людьми выступить с такой речью, то они в нее поверят! Поверят в этот кошмар! И все, назад пути не будет, если ты зарядишь их ненавистью, как ружье патронами!

– Назад пути не стало в тот день, когда лопнул вон тот мяч! – Жаров указал рукой на тот самый спортивный снаряд, который хранился как реликвия в их «тронном зале» уже долгие годы, напоминая о дне, когда они, еще будучи детьми, играли в «квадрат» на школьной площадке.

– И ты хочешь вернуться в тот день?! В ту войну?! Ты хочешь продолжить тот ужас, который когда-то начали какие-то скоты?! Нельзя выступать с такой речью перед народом, Андрей! – Александр взмахнул листком бумаги. – Нельзя! Женька! А ты что молчишь?! Или ты согласен с ним?!

Цой всучил Горину бумагу, и Женя пробежался взглядом по тексту:

– М-да, Андрюха, это явный перебор. Не хватает слов про святую землю, крестовый поход и про смерть неверным.

– Да вы охренели оба что ли?

– Ты погоди, Жар. Не кипятись. Мне вам обоим есть что сказать. Сейчас главная проблема в том, что в их поселении Крашенинников. Машину мы все разглядели, не так ли? В свою очередь, проблема не в Крашенинникове, как таковом, а в водородной бомбе...

– Вот, вот оно! – вскинул руки Цой. – Вы вдумайтесь только! Мы поспешили! Погорячились! Даже если вы это не признаете, то я признаю! Мы погорячились и совершили ошибку, изгнав этих вулканологов отсюда. И с чем мы столкнулись в итоге?! А с тем, что нам теперь любой ценой надо вернуть Крашенинникова и забрать у него бомбу! Так вот и с этими американцами горячиться нельзя! Нельзя спешить и действовать на эмоциях!

– Саня, я согласен с тобой, в общем-то. Но дай договорю, – поднял ладонь Женя. – Итак. Миша у них. И Миша нам нужен. Завтра мы не атаковать должны американцев, а выйти на контакт и попробовать вернуть его обратно. В конце концов, здесь их дом, который они неплохо обжили за столько-то лет. Мы вернем все их имущество и даже больше. Отменим приговор, извинимся, все что угодно, лишь бы заполучить Крашенинникова, а вместе с ним и бомбу. А вот когда у нас будет бомба, то эти американцы вообще не проблема. Они никак не смогут угрожать нам, если у нас будет эта бомба.

– И что, пусть они живут на нашей земле, так что ли?! – рявкнул Жаров.

– Слушай, Андрей, земли у нас много, а людей мало. Но это ладно. Я ведь думаю, что не от хорошей жизни они сюда пришли. Когда мы были в походе и искали того зверя далеко в сопках, то на западе, за горой Виллой, видели, что с природой что-то странное творится. У нас тут, быть может, один

из немногих, если не единственный, оазисов, пригодных для нормальной жизни и земледелия.

– Им здесь не место, Гора!

– Я тебе еще раз говорю, не в этом дело сейчас. Наша главная цель – Крашенинников. Заполучим его, значит, заполучим бомбу. А с таким оружием, нам и воевать ни с кем не придется. У нас будет ядерная монополия.

Андрей задумчиво уставился в потолок, размышляя над словами Горина. Все же ему пришлось признать, что здоровое зерно в них имелось. Поднявшись со стула, они принялся расхаживать по помещению и остановился у окна.

– Ладно. Может ты и прав. С речью пока повременим и будоражить людей не будем, до поры до времени. А завтра попробуем провести что-то вроде переговоров.

– Тогда нам точно понадобится Сапрыкин, – произнес Александр.

– Зачем? – не оборачиваясь и глядя в окно, спросил Андрей.

– Он знает английский язык. Нам ведь нужен переводчик, не так ли?

– Возьмем Рому Мухомора. Он тоже знает.

– Рома восстанавливает свой дом. Все-таки у него внуки малые. Двое. А дочка третьего ждет. И мужа она, кстати, во время землетрясения потеряла. Он никуда не поедет. Мобилизацию мы ведь не объявляли и берем пока самых надежных и неболтливых. Нам нужен Сапрыкин.

– На кой черт тебе этот старик? – обернулся Жаров.

– Этот старик, по сути, сделал из нас тех, кто мы есть теперь. Не надо о нем так, Андрей.

Жаров скривился и снова отвернулся к окну:

– Я его уговаривать не буду.

– Предоставь это мне, – сказал Цой и торопливо запихал в карман куртки несколько листов бумаги, в том числе и ту ужасную речь, которую написал Андрей.

– Как знаешь. Только не забудь поспать сегодня. Завтра трудный день нас ждет. Я, пожалуй, тут переночую. – Жаров отошел к стоящему в углу топчану и улегся на него. – Лампу погасите, как будете уходить.

Уже через несколько минут Цой и Горин стояли на улице, перед школой.

– Жень, тебе не кажется, что Андрея начинает уже здорово заносить? Он теряет контроль над собой.

– Просто у него свое собственное мнение, – пожал плечами Горин.

– Это уже не мнение, Жень! Тут уже патология!

– Саня, я теперь с тобой не соглашусь. Тебя не тревожит, что поблизости американцы?

– Конечно, тревожит. Но меня вообще бы тревожила группа людей, оказавшихся поблизости и о которых мы ничего не знаем. И не важно, чьи это были бы граждане. Но... Когда я детей увидел. Все как-то по-другому восприниматься стало, понимаешь? Тут разобраться надо.

– Вот завтра и разберемся. Надеюсь. Ты, Саня, не забывай, что сейчас главная проблема, это бомба.

* * *

Оливии нужно было совсем немного времени, чтобы преодолеть мешавшую ей поначалу растерянность и робость. Сейчас она уже говорила уверенно и ярко, рассказывая своим соотечественникам о том, кем она была в Америке, и кем был ее отец. О том, как она оказалась на Камчатке и о своей работе. О том страшном дне и временах и событиях, наступивших после. Казалось, она хочет охватить все эти годы, не оставляя никаких мелочей. Михаил заметил, что Оливия при всем при этом старалась обходить острые углы и даже не упомянула о своем не очень положительном отношении к приморскому квартету. Она пыталась быть объективной и честной и в то же время избегала любых мелочей, которые так или иначе могли создать негативный образ общин на другом берегу Авачинской бухты.

Уже который раз Оливия заставила Михаила восхищаться ею. Первоначальные опасения о том, какую именно оценку даст она местным жителям, были напрасны. Собески рассказала, как им, пережившим крушение вертолета, оказали помощь. Не забыла упомянуть о том, что за все годы после избавления от банд, никто не пытался напасть на них или ограбить. Но главную проблему никак не обойти и не сгладить.

Ее не замолчать и не скрыть. Их изгнали из-за того, что она американка. А это ломало самое идиллическое представление о нравах местных, какое только могло быть.

Собески смолкла после долгого монолога, и по толпе прокатился шелест тихих голосов. Поселенцы обсуждали все, что только что услышали. Оливия вернулась к бревну и села рядом с Михаилом. Теперь она снова выглядела какой-то растерянной, как в самом начале своей речи.

– Боже я, кажется, все испортила... Я что-то не то сказала, – прошептала она, глядя на то, с каким волнением люди по другую сторону от костра что-то обсуждают.

– Что ты, милая. Ты молодец. Ты была на высоте, и я горжусь тобой! – Михаил приобнял ее за плечо.

– Ну что ж, мы благодарны вам, миссис Собески, за ваш исчерпывающий и весьма познавательный рассказ, – громко провозгласил шериф. – Теперь, я думаю, настала очередь выслушать то, что поведает нам Михаил. Прошу сэра...

Крашенинников поднялся и сделал несколько шагов вперед.

– Как хорошо, что про меня все забыли, – улыбнулся Квалья. – Но если вдруг и мне придется говорить, то я скажу: «Привет, я Энтони и я алкоголик».

– Перестань, – вздохнула Собески.

– Я Михаил Крашенинников. Можете называть меня просто Миша или Майкл. Так вам будет проще. Я вулканолог и уроженец города Петропавловска-Камчатского, который на-

ходилась когда-то здесь, на этом месте, – заговорил Михаил, обращаясь к поселенцам. – Мне, признаться, не очень понятно, что я могу вам еще сказать, особенно после того замечательного рассказа, что вы услышали от Оливии. Собственно мне нечего добавить к ее рассказу.

– И все-таки, Миша, мы все с нетерпением хотим выслушать вас, – произнес шериф. – Попробуйте рассказать то, что сейчас очень волнует всех нас. Насколько те люди, находясь в плену ложных представлений об американцах, могут быть опасны для нас?

– А этот Карл очень даже не прост, – шепнул Оливии Антонио. – Похоже, он хочет подвести нас к тому разговору, что у нас состоялся с ним днем. И если ты помнишь, на некоторые его вопросы мы отвечать отказались. А теперь нам придется отказать толпе? И что же будет после? Мне кажется, чертовски хитер этот шериф...

– Опасны ли для вас те люди? Опасны ли для вас мои соотечественники? – вздохнул Крашенинников. – Это очень сложный вопрос. И уж поверьте, я не хочу лжесвидетельствовать...

– Ну, так ответь, черт возьми, прямо! Да или нет?! – раздался возглас из толпы.

– Да с чего ты решил, что этот русский будет говорить нам правду?! – выкрикнул кто-то еще.

Толпа загудела.

– Погодите... Погодите, дайте мне сказать... – растерянно

развел руками Михаил, но его, похоже, никто не слышал.

– Тише! – заорал шериф. – Тише я сказал!

Тут же над толпой стал возвышаться поднявшийся Рон Джонсон.

– Ну-ка успокойтесь все! – как раскаты грома, обрушились на всех слова Джонсона.

Это помогло, и толпа заметно стихла.

– Послушайте, именно правду я и хочу говорить. Но правда в первую очередь требует понимания. Ее недостаточно просто принять, как религиозную догму! То же самое и в отрицании правды! Без попыток понять ее, она ничего не стоит, хотя именно правда и есть одна из высочайших ценностей!

– Говори без этой патетики и философии! Говори проще! – снова выкрики из толпы.

– Проще?! – нахмурился Михаил. – Ну, тогда первое, что вы должны уяснить, так это то, что нельзя на сложные вопросы давать простые ответы! Простые ответы на сложные вопросы порождают экстремизм, терроризм, расизм! Я думаю, здесь следует напомнить, что сто лет назад германский народ пребывал в очень тяжелом положении! И вот они задавались вопросами: а почему так? Это были сложные вопросы, потому что на их положение влияла сумма разных факторов. Но пришел Гитлер и дал им простые ответы. Очень простые! А ведь большинству людей легче, когда ответ прост как рецепт яичницы с беконом! И потому они поверили, когда он

дал им простой ответ – во всем виноваты евреи и коммунисты! А когда ни тех, ни других в Германии не осталось, он убедил их наброситься с жадностью голодного зверя на соседние страны! А вспомните террористические атаки! Они обрушивались на нас, на вас и на многие государства мира! Какая сила заставляла тысячи людей становиться убийцами невинных гражданских?! Какая сила заставляла становиться террористов смертниками?! Сила очень простых и даже примитивных ответов на очень сложные вопросы! И эти ответы им готовили их вербовщики и фальшивые проповедники! Почему мир не справедлив?! А потому что вон те люди виноваты в этом. Все без исключения! Но если ты убьешь хотя бы десяток из них, то обретишь рай! Все просто! А какие ответы были удобнее для нас, о феномене терроризма? Самые простые, конечно же! Они ненавидят нас и убивают, потому что мусульмане! И ложь накладывалась на ложь, образуя гигантскую пирамиду лжи, раздавившую весь мир! Простые ответы вели тысячи средневековых людей в ужасные, кровавые крестовые походы. И люди убивали в них и умирали в них за простые ответы, которые скармливали им как ветхозаветную чечевичную похлебку! Так что простых ответов я вам не дам! Если я скажу, что люди на той стороне не представляют угрозы для вашего поселения, я не буду до конца честен. Если же я скажу, что те люди все же представляют угрозу, то вы сразу решите, что там враг. Что там злодеи и террористы! Но ведь и это не верно! Там живут хорошие лю-

ди! Но они, как и вы, вышли из другого мира. Из мира, где в любом уголке планеты каждый, обладавший контролем над средствами информации, а по сути, орудиями пропаганды, плел свою сложную паутину лжи, сотканную из прямых нитей простых и примитивных ответов. Но когда в том мире не осталось свободного от этих паутин пространства, кто-то зажег спичку и все вспыхнуло. А теперь большинство из тех, кто пережил тот всепожирающий огонь, думают, что спичку зажег кто-то с другого берега. Конечно, вы и они разные, в силу того, что в различных событиях и условиях шло построение нации. Но насколько вы разные, настолько и одинаковые. Хотя бы в части имеющихся предубеждений, стереотипов и страхов по отношению друг другу.

– Так что нам делать, черт возьми?! – закричали из толпы.

– Если бы у меня были готовые рецепты, я бы их дал! У меня нет готового ответа на вопрос – что делать! Но я убежден в одном, конфликта между вашей общиной и людьми с того берега необходимо избежать любой ценой!

– Да он голову нам морочит! Это все уловки!

– Где уловки, он вроде правильные вещи говорит!

– Это чтоб усыпить нашу бдительность!

Шум снова начал наполнять толпу. В ней все-таки были те, кто прислушивался к словам Михаила. Но, похоже, подавляющее большинство действительно хотело простых ответов и ничего более. Но шум длился недолго. Из толпы поднялся человек, и Крашенинников узнал его. Это был Марк

Моусли.

– Сколько там человек? Сколько у них оружия?! Есть ли тяжелая техника?! – выкрикнул он. – Это ведь очень простые вопросы и мудрить с ответами тут не надо, верно?!

Михаил медленно повернул голову и уставился на шерифа. Тот сидел на пеньке, глядя куда-то в сторону, и задумчиво покусывал соломинку. Но Крашенинников все же заметил едва уловимую ухмылку в уголках его губ. Теперь Михаил не сомневался, что Карл специально разыгрывал спектакль с этим Моусли и они заодно. Очень просто было отказаться отвечать на этот вопрос, когда они втроем сидели перед шерифом и добродушным Джонсоном. Но теперь придется отказаться отвечать на этот вопрос перед сотнями людей. И те ждали ответ, поскольку шум сразу притих, после того как Моусли громко объявил то, что так интересовало Карла, а теперь и всех.

Михаил казался совершенно растерянным. Он взглянул на Оливию и Антонио, что сидели позади, на бревне. В глазах Собески читалось отчаяние. Она прекрасно понимала, в каком положении оказался ее возлюбленный. Он мог бы солгать, но это шло вразрез с выбранной им линией поведения и желанием предотвратить войну. Он мог бы сказать правду, и это делало бы его предателем. А что будет, когда он откажется отвечать перед этой толпой? Антонио просто мотал головой. Он был всецело на стороне Михаила и дал понять, что он в этой ситуации отказался бы отвечать. Ква-

лья понимал, что именно такой ответ его друг видел сейчас единственно правильным.

– Я на такие вопросы отвечать не намерен! – громко заявил Крашенинников, и толпа буквально взорвалась. Люди вскакивали с мест, и в его адрес сыпались проклятия и угрозы. Конечно, было много и таких, кто не был одержим паранойей обоюдной ненависти. Но они вели себя куда спокойней. Именно поэтому, громче всех были сторонники агрессивных действий. Именно поэтому, казалось, что их абсолютное большинство. Голоса разума, как правило, всегда тонут в таких бурях...

Михаил взял за руки Оливию и Антонио.

– Идем домой. И поскорей.

Видя, что они уходят, толпа зашумела еще больше и отдельные группы начинали выдвигаться из нее, чтобы догнать. Рон Джонсон быстрым шагом подошел к шерифу.

– Не сработало, Карл. А ведь я тебя предупреждал.

– Как же мне не нравится, когда ты меня предупреждаешь и оказываешься прав, – сказал Риггз, выплевывая соломинку и тяжело вздохнув.

– Что дальше, Карл? Ты позволишь толпе линчевать их?

Шериф смерил здоровяка многозначительным взглядом и покачал головой:

– Держись рядом, иначе они линчуют меня.

Риггз встал между уходящими вулканологами и толпой поселенцев:

– А ну тихо! Я сказал, тихо!

– В чем дело, Карл?! Останови их! Верни их и заставь ответить на этот вопрос! Он не ответил! – кричали из толпы.

– А что вы, собственно, ждали?! Поставьте себя на место этого русского и скажите мне, стали бы вы сами отвечать на такой вопрос?!

– Значит, его надо пытаться! – выкрикнул кто-то. – Эй, Джонсон! Тебя же учили делать это профессионально!

– Знаешь, приятель, я что-то подзабыл, как это делается! – лицо Рона скривилось в угрожающей ухмылке. – Что если перед тем, как начать их пытаться, я потренируюсь на тебе?!

– Эй, Карл! Но на том берегу русские!

– Ты бы предпочел, чтоб там были какие-нибудь афганцы, северные корейцы или кто? Ты в России, болван! А о том, что на том берегу есть люди, мы подозревали, да еще и знали и раньше! Что изменилось вдруг?!

– Но надо что-то делать!

– Что, например? Загнать их в резервацию? Подарить им отравленные оспой одеяла?

– Какого черта ты несешь, Карл?!

– Это вы, какого черта тут орете! Ничего не произошло! А этот русский был с нами честен! И он не желает, чтоб мы конфликтовали!

– Но он не ответил на вопрос!

– Точно так же поступил бы и я!

– А что если они нападут?!

– Значит, мы будем защищаться!

– И все?! Лучшая защита – это нападение! Мы должны ударить первыми!

– Черт тебя дери, Гувер! Что-то мне подсказывает, что если русские и нападут на нас, то только потому, что среди нас есть такой кретин, как ты!

– А ты просто трус! – заорал розовощекий морщинистый Гувер.

Карл громко хмыкнул. Затем расстегнул пояс с двумя револьверными кобурами и опустил на траву. Сверху положил свою шляпу.

– Ну что ж, смельчак, подойди сюда и скажи мне это в лицо, – спокойно сказал шериф. – И вообще. Кто из вас, крикунов, считает, что рожденный славной землей штата одинокой звезды⁵, Карл Монтгомери Риггз, является трусом, пусть сейчас же выйдет сюда и покажет, насколько он смелее меня!

Эмоции в толпе вдруг резко поутихли и кто-то осторожно произнес:

– Эй, он же имел в виду, что ты русских боишься...

– Да это вы обделались от страха! Одного русского мы только что видели и что?! Он похож на дьявола?! Единственное, чего я боюсь – это человеческое скудоумие, которое не знает границ и ему не нужны въездные визы! Большинство бед человеческой расы от этого скудоумия! Посмотрите на себя! Орете и беснуетесь, как толпа линчевателей! Мы про-

⁵ «Штат одинокой звезды» – Техас.

шли все вместе через невиданные испытания! Мы преодолели тяжелейший путь! Смогли бы мы это сделать, если бы вы были такими же, накачавшими себя страхом и ненавистью идиотами в самом начале нашего пути?! Если сюда придут русские, мы будем с ними разговаривать! Если нападут, мы дадим достойный отпор! Но мы сможем разговаривать хотя бы потому, что в том доме поселились люди, которые свободно владеют и нашим языком и языком местных. И мы сможем дать отпор, если прекратим истерики и вернем в наши ряды единство и здравый смысл! Верните в свои бошки рассудок, черт возьми! Он нам всем сейчас нужен! Он нам нужен всегда! Это первое правило выживания!

* * *

– Чертов лицемер, – зло выдавил сквозь зубы Крашенинников, выглянув в окно.

То, что толпа остановилась, его несколько не радовало. Сейчас, когда они оказались в этом поселении, он чувствовал себя будто на вулкане, который в ближайшие дни, а может и часы, непременно должен извергнуть из своих недр миллионы тонн серы и пепла.

– Мне кажется, эта штука нам не поможет, – вздохнул Антонио, вертя в руках арбалет.

– Да уж. Здесь нужна штука посерьезней. – Взгляд Михаила скользнул мимо американских беженцев и их домов ку-

да-то вдаль и остановился на далеком полукруглом холме.

– Посмотри-ка, Миша. Этот Кинг-Конг направляется сюда, – сказал Квалья...

Рон Джонсон неторопливо поднялся по склону к зданию, в котором обосновались вулканологи. За спиной у него был чем-то набитый походный рюкзак, в руках штурмовая винтовка. Остановившись у отремонтированной минувшим днем двери, он постучал в нее.

– Чего тебе надо? – крикнул, высунувшись из окна, Крашенинников.

– Ребята, откройте, – улыбнулся, как ни в чем не бывало, здоровяк.

– Или что?

– Да ничего, – Джонсон пожал плечами. – Меня Карл попросил пожить с вами, какое-то время. Для вашей же безопасности. Здание достаточно большое и я не буду вас стеснять.

– Ты точно не будешь нас стеснять, если пойдешь сейчас же к черту.

– Это грубо, Миша, – скривился Рон.

– Грубо?! Fuck you asshole! Вот это грубо! Ты думаешь, я не понял, что это все был спектакль, подготовленный этим твоим шерифом?!

– Послушай, Миша, люди напуганы. Им будет спокойней, и вы будете в безопасности, если я поселюсь здесь.

– Миша,пусти его, пусть останется, – сказала Оливия. –

В самом деле, так будет лучше для всех. Особенно для нас.

– Милая, ты что, не понимаешь, что Карл приставил к нам надзирателя? «Большой брат следит за тобой!» – помнишь такую книгу?!⁶

– Миша, ничего серьезней арбалета у нас все равно нет, – поддержал Оливию Квалья.

Хмурясь и понимая, что с таким положением дел придется все же смириться, Крашенинников посмотрел на Джонсона.

– Ладно. Останешься при одном условии. Я собирался заколотить все окна на первом этаже. И большую часть окон на втором. Если ты мне поможешь, и мы справимся до полуночи, ты останешься. Если нет, тебе тут делать нечего.

– Заколачивать окна? Какого черта, Майкл?

– Так, все, проваливай...

– Окей, окей! – поднял руки Джонсон. – Я пойду за досками, ладно? Вещи только оставлю.

После того как Михаил открыл дверь, Рон поставил свой рюкзак на пол и отправился за обещанными досками, повесив оружие за спиной. Закрыв за ним дверь, Крашенинников тут же распахнул рюкзак и начал досмотр вещей Джонсона.

– Миша, какого черта ты делаешь? – возмутилась Собески.

– То же, что и они. Они ведь обыскивали нашу машину, не так ли?

⁶ Имеется в виду роман Джорджа Оруэлла «1984».

– Но это аморально, Миша.

– Я знаю, дорогая.

– Там есть что-нибудь интересное? – спросил Антонио. –

Быть может, журналы для одержимых сексом подростков? Ну, или одиноких итальянцев?

– Нет, брат мой. Тут, похоже, только предметы одежды и все.

Михаил вдруг вытянул что-то большое и красное.

Оливия подошла ближе:

– Что это?

– Похоже, это полотенце.

– Такое огромное?

– Так ведь и Джонсон не маленький, – засмеялся Квалья.

Крашенинников поднял взгляд на друга и ухмыльнулся:

– Тони, надеюсь, ты не забыл взять свои краски, когда мы покидали казарму?

– Нет. Они со мной. А что?

Скомкав большое красное полотенце, Михаил швырнул его своему итальянскому другу.

– Пока спрячь это. Хочу, чтоб ты помог мне дать симметричный ответ этим американцам.

– Поверить не могу! – воскликнула Оливия. – Ты воруеть полотенце, Майкл?!

– Дорогая. Я вообще полон сюрпризов...

Несмотря на поздний час, голоса и смех в угловой квартире первого этажа дома на улице Кронштадтской не утихали. Сырость и свет масляных ламп привлекали туда мошкату, но и это не мешало общению.

– Выдумал, небось, байку эту, дядя Женя?! – смеялся Борис Хан, отпивая хвойный чай.

– Нет, я на полном серьезе, – мотнул головой Сапрыкин. – И это совершенно не выдуманная история. Тот полковник на самом деле заминировал входную калитку на своей даче и уехал в отпуск куда-то на материк. И вот приезжает он через полтора месяца и пошел к себе на дачу. А о мине-ловушке забыл напрочь. Тогда ему руку и изуродовало.

– Грешно смеяться, конечно, – вздохнула Жанна, – но как, черт возьми, он мог о таком забыть? Пьяный был?

– Вот чего не знаю, того не знаю, красавица. Но факт остается фактом. Сам себя взорвал. Но ведь это еще не все. После развала СССР, этот бывший политический комиссар отправился в Москву, в какую-то новоявленную демократическую организацию, и заявил, что его искалечил коммунистический режим и КГБ. И ему поверили, стали выплачивать пенсию и сделали каким-то заслуженным деятелем демократии и борьбы с тоталитаризмом.

– И что, никто даже не проверил, как на самом деле он

покалечился? – удивился другой брат Жанны – Митя.

– Нет. А зачем? Он говорил то, что было нужно. Его версия была в тренде. Зачем правда, если из нее нельзя сделать сенсацию? Так и происходила у нас смена политической парадигмы. А может и не только у нас. Правду ведь надо найти, перепроверить. Столько лишних телодвижений. Вранье удобней, потому что проще. Это как реферат написать. В старинные времена надо было сходить в библиотеку. Изучить материал. Систематизировать его. Кропотливо и аккуратно написать свой реферат, основываясь на изученном материале и полученных знаниях. А потом пришла пора всяких там интернетов. Никуда ходить не надо. Ничего писать не надо. Скачай реферат, распечатай, вставь свое имя и все. Его даже читать нет необходимости.

– Да мы с Митей понятия не имеем, что такое реферат, – улыбнулся Борис. – Нам было лет шесть или восемь, когда случилось это...

– Зато Жанна должна помнить. Кстати, это не конец истории про того полковника. Вы помните банду Скрипача?

– О, да, – вздохнул Митя.

– Конечно, – закивали Жанна и Борис.

– Так вот, Скрипач тот был родным сыном этого полковника. Вот такая «замечательная» семейка.

После этих слов Сапрыкин вдруг поднял ладонь и бросил взгляд в сторону окна. Затем осторожно взял одну из ламп и медленно двинулся к чернеющему в стене проему, жестом

велев своим гостям продолжить разговор.

Семейство ительменов поняло все без лишних слов, и тут же речь зашла об охоте, рыбалке и планах на ближайшие дни.

Подойдя к окну, Евгений Анатольевич резко вытянул руки. В одной лампа, в другой пистолет. Тут же за окном кто-то охнул и послышался звук падающего тела.

– Твою мать...

– Саня, это ты? Хорошо, что пришел. Я как раз подумывал о том, чтоб рассказать тебе о такой штуке, как ДВЕРЬ!

– Слышь, да помоги уже! – послышался голос Цоя.

Сапрыкин отложил лампу и оружие. Свесившись из окна, он протянул Александру руки и помог забраться в квартиру.

– Может уже объяснишь, что за странную моду взял при-морский квартет, лазать ко мне через окно?

– У тебя во дворе, у входа в подъезд, люди у костра сидят, болтают. Не хотел светиться лишний раз.

– И с чего такая конспирация? Да и вообще, Саня, что у тебя за вид? Тебя что, пинали?

– Я разбился...

– Чего?

– На мотоцикле, говорю, разбился. Дай воды попить.

Евгений Анатольевич взял пустую кружку и налил туда из фляги родниковую воду.

– Держи. Должен заметить, что выглядишь как живой.

– Очень смешно, твою мать! Я же не насмерть разбился!

– Кто бы мог подумать... Так что стряслось?

Александр с жадностью выпил воду, словно только что вернулся из долгих скитаний по великой пустыне.

– Медведь.

– Медведь? – переспросил Сапрыкин. – А дальше мы сами должны догадаться?

– Я ехал в Вилючинск. И вдруг медведь посреди дороги. Огромный! Я руль вправо и полетел кувырком.

– Так он напал на тебя? – встревожилась Жанна.

– Да, как бы... вроде и не напал... Убежал в сопки, похоже.

– Уж не наша ли это старая знакомая, – сказала Жанна, взглянув на Сапрыкина.

– Большая зверюга была, говоришь? – нахмурился Евгений Анатольевич.

– Очень. Да не в этом дело. Нам твоя помощь завтра нужна.

– Знаешь что, Саня, ты меня извини, конечно. Но после сегодняшнего визита Жарова, который, между прочим, тоже ко мне в окно влез, я не очень горю желанием вам помогать.

– Да Жар вообще с катушек съехал, – поморщился Александр. – В том и беда. Он войну объявить хочет.

– Войну? Это кому, интересно? Как император Калигула, морскому богу Посейдону? Отправит всех на берег и заставит тыкать копьями в Авачинскую бухту?

– Да ты о чем вообще? Он американцам хочет войну объявить.

Сапрыкин посмотрел на Цоя снисходительным взглядом пожилого психиатра:

– Американцам?

– Да, – кивнул Александр.

– Войну?

– Да.

– Здесь?

– Да... Чего ты ухмыляешься вообще? Это смешно, по-твоему?

– Саня, каким американцам?

– Как это, каким? Американским американцам, разумеется.

Евгений Анатольевич вздохнул, качая головой.

– Слушай, Саня, вы какой-то тайник с наркотой нашли, оставшийся от банд, и упоролись что ли?

– Дядя Женя, я знаю, ты, конечно, любишь пошутить. Но сейчас я ухмылочку-то с твоего лица сотру. На том берегу, в двадцати километрах от твоего дома, на севере Петропавловска, живут американцы.

Сапрыкин прошелся по комнате и уселся за стол.

– Это тебе Жаров рассказал что ли?

– Нет. Я сам их видел. Своими глазами, – категорично ответил Цой. – У тебя есть карта?

– Саня, моя квартира минут двадцать была под водой. На дне Тихого океана. У меня здесь ничего нет.

Жанна положила ладонь на плечо одного из братьев:

– Митя, сгоняй за картой. Покрупнее. Чтоб Петропавловск-Камчатский с пригородами в деталях.

– Я понял, – Дмитрий Хан кивнул и направился к выходу.

– Митя, еще лист бумаги и карандаш захвати, – окликнул его Сапрыкин.

– Сделаю! Я мигом!

Когда он покинул квартиру, Евгений Анатольевич внимательно взглянул на Цоя:

– Ну, теперь давай рассказывай в деталях.

– Короче, отправились мы, значит, Крашенинникова искать...

– Вашу ж мать! – воскликнул Сапрыкин. – Какого черта вам еще от него надо?! Вам мало, что вы прогнали их?! Что теперь?!

Александр вздохнул, морщась, и извлек из внутреннего кармана куртки несколько листов бумаги.

– На, читай. – Он бросил их на стол.

– Что это?

– Несколько недостающих страниц того самого «Протокола-О». Ты читай, читай.

Придвинув ближе лампу, Сапрыкин принялся изучать документ. Поначалу казалось, что делает он это через силу. С великой неохотой и борясь со скукой. Но с каждым абзацем выражение его лица менялось. А когда взгляд пробежал по заключительным строкам, по лицу Сапрыкина стало ясно, что все куда серьезней, чем даже в странном известии, что

принес Александр Цой.

– Крашенинников? Один из тех, кто должен... Бомба?! Так вот о чем сегодня днем спрашивал Андрей? Об этой бомбе?

– А ты будто не знал? – усмехнулся Цой.

– Я не знал, черт тебя дери! Я ничего не знал об этой части протокола!

– Серьезно? – Александр изобразил удивление.

– Саня, ты меня плохо слышал? Ты думаешь, если я кубик Рубика умею собирать, то мне известны все тайны цивилизации?

– Да ладно тебе, не кипятись. Но это не самое стремное, кстати. Мы увидели поселок. Километрах в четырех от берега. Между двух пологих сопок. Там я насчитал двадцать или тридцать человек. И на одном из занятых ими зданий висит американский флаг. И там же стояла машина Крашенинникова. Он теперь у американцев. И, как ты уже заметил, он хранитель водородной бомбы.

Сапрыкин опустил голову и принялся массировать виски пальцами:

– Твою мать... Ну, приехали... Объект «Качели-1»... Двенадцать мегатонн...

– Так ты с нами, дядя Женя? – спросил Цой.

– Так вот, значит, откуда неизвестный труп и американская форменная куртка... погоди, а что вы решили?

– Ну, Андрей хочет на них напасть. Даже вот такое обра-

щение к народу написал, – Александр вынул еще один лист бумаги и положил перед Евгением Анатольевичем.

– Да вы охренели совсем?! – воскликнул Сапрыкин, прочитав и этот текст.

– Мы? – удивился Цой. – Это не я писал. У меня не такой красивый почерк.

– Но вы позволили Жарову это написать!

– Так у нас равные голоса, дядя Женя!

– Равные?! В последние дни я слышу только его! Может потому, что он кричит громче?! Так равные ли у вас теперь голоса?!

– Я что-то не понял, – теперь со стула поднялся Цой. – Ты это к чему клонишь? Хочешь Андрея отстранить от власти? И это в тот момент, когда мы узнали, что поблизости находится поселение американцев? И это при том, что мы не имеем понятия о планах этих американцев, об их численности и оружии? Ты хоть понимаешь, что разброд и шатания начнутся в народе?

– А ты, Гора и Вишневецкий в состоянии удерживать баланс и повлиять на Андрея, чтоб он не наломал дров? И есть ли у вас резервные планы? Что вы решили?

– Мы решили уболтать Крашенинникова вернуться, – развел руками Цой. – Нельзя чтоб он и бомба достались американцам.

– Но будет очень здорово, что она, бомба эта, достанется Андрею? Это в его-то нынешнем состоянии? А что если

Крашенинников откажется?

– Да я не знаю, Анатольевич! Эта ситуация свалилась на нас внезапно, как то чертово цунами! Потому ты нам и нужен! И не только как переводчик, но и как... Как... Ну как башковитый чувак!

– Переводчиком я не буду.

– Почему?!

– Не факт что вы встретитесь с Крашенинниковым. Но если вы пойдете на переговоры с американцами, то они не должны знать, что кто-то из нас владеет английским языком. Возможно, никто из американцев не знает русского языка. Тогда они пригласят на переговоры Михаила. Это понятно?

– Черт! – радостно воскликнул Александр. – Ну я же говорил, что ты нам нужен! С ходу такая толковая идея! А что, если он что-то не то будет переводить? Ну, типа в своих интересах?

– Я почешу ухо и кашляну. А если все, вообще, из-под контроля выйдет, то тогда уже сам буду переводить.

В квартиру Сапрыкина вернулся Дмитрий Хан. Он разложил на столе карту, и Цой тут же показал место, где они видели американский флаг. Сапрыкин отметил его карандашом.

– Ладно. Я с вами, – сказал он.

– Отлично! – хлопнул ладонями Цой. – Слушай, а можно переночевать у тебя? А то мотоцикл мой разбит. Чинить надо. А там, на дороге, медведь этот...

– Саня, оглянись. Где ты тут ночевать собрался? Видишь, бардак какой?

– Ладно, – вздохнул Александр. – Тогда пойду к Рубахе. У него дом вроде не пострадал от цунами. Мы за тобой на рассвете заедем и в Приморский. На завод. К тральщику.

– Хорошо, хорошо, – покивал Сапрыкин, изучая карту. – Проваливай.

Цой направился сначала к двери, но развернулся и покинул квартиру через окно.

Дождавшись, когда на улице стихнут удаляющиеся шаги Цоя, Евгений Анатольевич взглянул на Жанну.

– Ребята, мне нужна ваша помощь.

– Конечно. Что нужно сделать?

– Смотрите сюда. – Он обвел карандашом какую-то возвышенность на карте. – Если бы у вас была машина, вы к рассвету добрались бы сюда?

– Машина? – Жанна задумчиво потерла ладонью шею. – Если в Елизово вот здесь и здесь сохранились мосты, то вполне возможно.

– Судя по всему, вулканологи без особых проблем менее чем за сутки добрались до Петропавловска на машине, которая движется вопреки здравому смыслу. Я же дам вам отлично сохранившийся японский внедорожник. Жанна, на ТЕХ САМЫХ складах, в северном ангаре, стоит эта машина. Я ей пользовался пару месяцев назад. Так что колеса за это время едва ли сдулись и аккумулятор не должен был разрядиться.

Бак полный. Прямо сейчас мы с вами пойдем туда. Я возьму кое-какое оружие и если что не так, то помогу оживить автомобиль. Дальше, вы без промедления едете вот в это место. Тут несколько холмов. Ваша задача состоит в следующем. Надо убедиться, что там нет никаких секретных постов американцев. Делайте все тихо. Если там американцы, ничего не предпринимайте, а возвращайтесь ко мне, если, по вашим оценкам, успеете до рассвета. Если же нет, то займите ближайшую безопасную высоту, с которой видно вот это место и вот этот участок бухты. Когда увидите тральщик, то зажжете там дымовую шашку. Ее я вам тоже дам. Это будет сигнал, что нужный вам район занят американцами. Но, не думаю, что они там есть. Едва ли они ждут какого-то нападения и вообще, какого-то контакта с нами в ближайшие дни. Хотя, конечно, неизвестно, что могли наговорить им вулканологи в порыве злости за свое изгнание. Итак. Если все чисто, займите там позиции и ждите. Завтра, когда мы будем разговаривать, внимательно наблюдайте за нами. Начнется заваруха, прикроете наш отход. Но, предупреждаю сразу. Не смейте стрелять на поражение до тех пор, пока не увидите, что я стреляю на поражение. Либо стреляйте, если я убит. Ясно?

– Да, – коротко ответила Жанна.

– Дальше. Митя, ты чистый лист бумаги принес?

– Конечно. Держи, дядя Женя.

– Спасибо. Итак, – Сапрыкин начал аккуратно выводить текст латинскими буквами. – Митя, тебе очень важная зада-

ча.

– Я слушаю.

– Хорошо, что слушаешь. Я положу это письмо в пластиковую бутылку. Вот здесь, рядом с вашими позициями, еще одна возвышенность. На ней должны быть деревья. Когда вы увидите от меня сигнал, ты должен будешь, не таясь, встать на вершине и демонстративно прибить пластиковую бутылку к дереву. Запомни, тебя должно быть видно с места ведения переговоров. Ясно?

– Ясно. А что за сигнал?

– Я опущусь на правое колено и начну возиться со шнурком своего левого ботинка. Если прибить не к чему, то найди заблаговременно палку покрупнее, приспособь к ней бутылку с письмом и воткни на вершине. Это очень важно.

Жанна взглянула на руки Евгения Анатольевича и заметила, как он волнуется. Это было видно по тому, как он давил на карандаш и какими резкими движениями выписывал буквы латинского алфавита. Ее легкая ладонь опустилась на руку Сапрыкина.

– Дядя Женя, не волнуйся. Ты можешь рассчитывать на меня и братьев. Как и всегда.

Он приподнял взгляд своих серых глаз и улыбнулся:

– Спасибо, дочка. И помните. Здесь, на краю земли, мы находимся быть может в последнем сохранившемся уголке того мира, который еще помним. Если что-то пойдет не так и если мы облажаемся, то и ему может прийти конец.

Глава 3. Переговоры

– Погоди-ка, это что за фигура? – палец Крашенинникова опустился на пробку от бутылки шампанского.

– Это конь, – ответил Квалья, почесав бородку.

– Конь? Постой, но три хода назад это был слон!

– Это конь, друг мой.

Михаил развел руки и с отвращением взглянул на шахматную доску. Многие недостающие фигуры заменяли морские ракушки и различные бутылочные пробки.

– Черт тебя дери, Антон! Не удивительно, что я проигрываю три раза подряд! Ты нарушаешь правила!

– Я хочу победить. Разве не это главное правило? Но можно ли победить, находясь загнанным в определенные рамки?

– Разумеется можно! В этом и весь смысл!

– Тогда не забывай про другое правило. Не теряй бдительность и не верь на слово оппоненту.

– Мы играем в шахматы или постигаем учение Сунь-Цзы⁷, чтоб тебя?!

– Разве мешает одно другому? – улыбнулся Антонио. – Хорошо. Это слон.

– Тогда тебе шах, – сказал Михаил, сделав ход.

⁷ Учение Сунь-Цзы, известное как «Искусство войны». Древнекитайский трактат о военной стратегии и политике. Датируется примерно серединой первого тысячелетия до нашей эры.

– Вот видишь, как скверно бывает, когда соблюдаешь правила, – вздохнул Квалья.

На ступеньках, ведущих на второй этаж, послышались торопливые шаги. Одетый в спортивные шорты, неплохо сохранившиеся кроссовки и майку, со второго этажа трусцой спускался Джонсон.

– Доброе утро, ребята! – воскликнул он. – Как спалось на новом месте?

– Отвратительно, – отозвался Михаил. – Ты так храпел, что мне показалось, началось извержение вулкана.

– Неужели? – замер на мгновение Рон, затем махнул рукой. – Да бросьте вы! Я не храплю!

– Кто бы тебе об этом ни говорил – он лгал.

– Ребята, может кто-то хочет со мной? Вы бегаєте по утрам?

– Я бегаю. И очень быстро, – проворчал Антонио, задумчиво глядя на шахматную доску.

– Оу, – сконфуженно выдохнул здоровяк. – Прости, приятель, я забыл, что у тебя... нога...

– У меня две ноги, Рон. И обе разные. И в этом моя суперсила.

– Майкл. А ты как относишься к бегу по утрам.

Крашенинников кивнул:

– Очень даже положительно. И очень жду, когда ты, наконец, убежишь.

– Может Оливия?

– Оля все еще спит после «теплой» встречи с соотечественниками. Ей уснуть удалось только ближе к рассвету.

Джонсон разочарованно вздохнул:

– Ну, ладно. Как хотите.

Он распахнул входную дверь и прищурился от яркого солнца. Сделал глубокий вдох и взглянул в синее небо с редкими белоснежными облаками.

– Сегодня отличная погода, парни! – послышался с крыльца оптимистичный голос Рона. – Так... А это что?

Джонсон с некоторым удивлением заметил, что теперь над входом в здание висит красный флаг. На нем, синей краской, изображен медведь и под медведем белая надпись, на русской языке. Стилистика этого полотнища явно намекала на то, что он сделан как ответ на Гадсденовский флаг, что вывесил накануне Карл.

– Это наше знамя, большой брат, – откликнулся Крашенинников.

– А что на нем написано?

– НЕ БУДИ МЕНЯ!

– Ну что ж, весьма... Минуточку! Проклятье, это же мое полотенце! – он вернулся в помещение. – Это мое полотенце!

– Теперь это наш флаг, Рон, – категорично ответил Михаил. – «Найди самого могучего воина в стане недруга своего. Возьми его полотенце и обрати его в свое боевое знамя». Сунь-Цзы. «Искусство войны».

Антонио, едва сдерживая смех после выдуманной Миха-

илом цитаты, наконец, сделал ход.

– Но вы украли мое полотенце! – негодовал здоровяк.

– Сунь-Цзы. Все по фэн-шую, – вздохнул Крашенинников, мотнув головой. – Ничего уже не поделать. Никто не обещал, что жить с нами будет легко.

– Когда я вернусь, у нас будет серьезный разговор! – пригрозил Джонсон, вновь покидая жилище вулканологов.

– Как скажешь, папочка, – фыркнул Михаил.

Карл с раннего утра возился во дворе своего дома-офиса с парой двигателей для моторных лодок, найденных среди руин прибрежных районов Петропавловска еще до цунами. Попытки сделать из двух один рабочий не прекращались уже третий месяц, но шериф Риггз верил в успех.

– Доброе утро! – окликнул его Джонсон, сбежав по склону. Теперь он продолжал свой бег, но делал это на месте.

– Доброе утро, – кивнул Карл. – Как наши гости?

– Чувствуют себя как дома. В шахматы играют.

– Вот и хорошо.

– Ты видел это, шериф? – Рон махнул рукой через плечо.

– Флаг? Да, я заметил. Как и заметил забавное сходство с флагом полковника Гадсдена. Только я не понял, что там написано.

– Там написано: не буди меня, Карл.

– Не буди меня, Карл? Так и написано?

– Да нет же, – махнул рукой Джонсон. – Просто – не буди меня.

Шериф тихо засмеялся:

– Чего-то подобного стоило ожидать от них. У этого русского тот еще характер. Но он мне определенно начинает нравиться.

– Мне тоже, но они с итальянцем сделали этот флаг из моего полотенца.

– Славные парни.

Джонсон прекратил свой бег на месте, подошел ближе к шерифу и, склонившись над ним, недовольным тоном произнес:

– Они украли мое полотенце, Карл.

Теперь шериф буквально начал давиться хохотом.

– Что здесь смешного? – нахмурился Джонсон.

– Да, боже мой, в городе полно разрушенных магазинов! Не там ли ты раздобыл себе это полотенце?! Найдешь еще!

– Но дело не в этом, Карл. Если бы они меня попросили отдать им это полотенце, я бы это сделал. Но они пошли на воровство.

Шериф вздохнул, чуть успокоившись:

– Приятель, это не столько воровство, сколько демонстративное поведение. В том и суть, чтоб ни о чем нас не просить. Они просто показывают, что хозяева этой территории.

– Даже итальянец?

– Разумеется, Рон. Квалья приехал сюда еще до войны и прожил здесь столько лет, что он теперь может считаться полноправным местным жителем.

– Русские с того берега с тобой бы поспорили на этот счет.

– Вот они меня и беспокоят. А эти двое едва ли могут нас беспокоить, – Карл снова рассмеялся. – Даже после того, как национализировали твое полотенце!

Джонсон тоже позволил выдавить из себя смешок.

– Ладно. После пробежки поговорю с ними на этот счет.

– Постарайся стать им другом, Рон. У тебя это должно получиться лучше, чем у меня. Особенно после вчерашнего. Нам здесь не нужны конфликты.

– Разве я не пытаюсь? Очень даже пытаюсь. Но этот Михаил слишком угрюм и неприветлив. И он имеет влияние на остальных.

– И все-таки...

Договорить Карл не успел. Воздух рассек шипящий звук и где-то над головой раздался хлопок. Они даже пригнулись и тут же устремили взоры в небо.

– Черт, что это?! – воскликнул Риггз, глядя на ярко-красную звезду, мерцающую в зените и медленно опускающуюся к земле.

– Кажется, это сигнальная ракета! – ответил Джонсон. – Откуда? Кто запустил?!

Через несколько мгновений они услышали сначала тихое завывание, но с каждой секундой оно превращалось в пронзительный вой, становящийся все громче и громче. Этот звук, наверное, был давно известен во всем мире и не предвещал ничего хорошего. Так завывала механическая центро-

бежная сирена.

* * *

– Они точно нас не видят? – спросил Цой, сойдя на берег и поднявшись к Жарову.

– Едва ли, – ответил Андрей, глядя в бинокль. – Иначе переполох уже начался бы. Так что давайте быстрее рассредоточивайтесь.

Прячась в складки местности, Горин вел за собой отряд из восьми вооруженных мужчин и женщин в сторону небольшой полукруглой сопки. Там они заняли скрытные позиции в траве и среди валежника. Еще пять человек, включая Евгения Сапрыкина, подняли по глинистому склону берега старую центробежную сирену, давно снятую с какого-то корабля. Цой помог втащить ее на крутой берег. Затем четверо начали занимать скрытые позиции справа от Жарова и в нескольких метрах от него, используя глинистый берег как естественный бруствер.

Евгений Анатольевич спустился к лодке. Он взял бинокль и еще раз осмотрел окрестности, на тот случай, если где-то может затаиться какой-нибудь неприятный сюрприз. Больше всего его интересовало место к северу от точки их нынешней дислокации. Ряд из трех плавно перетекающих друг в друга возвышенностей. Они не настолько велики, чтоб именоваться сопками. Но холмами называться могут по праву.

В том месте, куда он сейчас смотрел, качнулся стебель кустарника. Едва заметно. Сначала влево, затем вправо. Жанна Хан, наблюдавшая за ним в свою оптику, подала Сапрыкину знак, что все в порядке и они на месте. Вздохнув с облегчением, Евгений Анатольевич поднялся к Жарову и Цою.

– Ну что, готовы?

Александр поднял привязанную к древку тельняшку и кивнул. Жаров склонился над механизмом сирены и сжал ладонью рукоять.

– Готовы. Давай.

Сапрыкин вытянул руку, сжимая в ней сигнальную ракету. Точно такую же, как та, что он подарил не так давно Антонио. Прищурился одним глазом и ориентируясь по высоте на Авачинский вулкан, Евгений Анатольевич выбрал оптимальный угол, под которым запустить ракету, и резко дернул шнур. Жужжа, словно шмель-переросток, ракета помчалась вперед и вверх. Жаров тут же принялся вращать рукоятку сирены.

Сначала это был не очень громкий звук, будто в железной кастрюле перекачивалась пара орехов. Но Андрей увеличивал обороты, раскручивая заключенную в железном барабане крыльчатку. Сначала устройство тихо загудело, но чем дольше и сильнее крутил рукоятку Жаров, тем громче и выше становился звук, пока не пронзил все вокруг девяносто децибельным воем с частотой в пять или шесть сотен герц. Андрей через каждые пять оборотов чуть снижал скорость вращения, слегка понижая тональность, и тут же наваливал-

ся на рукоять с новой силой, делая звук сирены не монотонным, а волнообразным, завывающим.

Сапрыкин вдруг почувствовал, как все внутри похолодело. Вой сирены разбудил в глубинах памяти его детские кошмары. Он был совсем в нежном возрасте, когда заокеанский президент Рональд Рейган объявил его, маленького Жени Сапрыкина, страну – империей зла. Именно тогда началась новая волна обострения Холодной войны. И уже мало кто вокруг маленького Жени Сапрыкина сомневался в том, что очень скоро она станет горячей. Не сомневался даже маленький Женя Сапрыкин. Эта сирена была самым страшным кошмаром его детства. Он не помнил, боялся ли он темноты, собак или выдуманных злодеев из детских сказок. Он точно помнил, что чудовищно боялся этого воя центробежной сирены. Ведь за ним могла последовать вспышка атомного взрыва.

Но в тот день не было никакого завывания. Да и он был уже взрослым и не было давно никакого Рональда Рейгана. И вообще, Сапрыкин плохо помнил тот день. Разве что две детали. Он получил электронное сообщение от своего друга, Казимира, что тот благополучно добрался до Москвы и так же благополучно попал в автомобильную пробку. А второе, что он запомнил в тот день, это вспышка взрыва. И никакая предупреждающая сирена ей не предшествовала.

Он покосился на Жарова. Тот продолжал крутить рукоятку и зло улыбался. Ему, похоже, нравился этот оглушающий

звук и сам процесс его извлечения из железа и воздуха. У него были другие детские страхи. В его детстве уже не было никакой холодной войны, которая в любой момент могла превратиться в горячую. Или, все наивно думали, что ее не было...

* * *

Находившийся на крыше самого высокого здания своей общины, имевшего три этажа, Карл оторвался от монокуляра и бросил взгляд через плечо. Крашенинников и Собески, которых привел Джонсон, уже были здесь. Внизу тем временем царила тревожная атмосфера. Поселенцы бросили все дела и теперь кто в полголоса, а кто и весьма громко обсуждали происходящее. Гнетущий, холодящий нутро вой сирены перепугал детей. Мужчины и женщины обменивались полными тревоги взглядами, бросая то и дело фразы, обращенные в никуда; это случилось, они здесь, они пришли, русские идут...

– Сэр, вы не хотите поговорить на тему невероятных совпадений? – произнес шериф.

Крашенинников взглянул сначала на сопровождавшего их Джонсона, затем на Карла:

– Я не вполне понимаю.

– Я тоже, Майкл. Я тоже не понимаю, в чем подвох. Вчера появились вы. И сегодня – о чудо! Появляются какие-то

вооруженные люди!

– И вы считаете, что я имею к этому отношение?

– А что бы вы на моем месте подумали, сэр? Каковы шансы, что они появятся на следующий день после вас?

– Карл, я тебе говорил, что они увидят ваш флаг. А огни от ваших факелов мы заметили в ночном Петропавловске еще будучи на том берегу. Почему вы думаете, что они не могли увидеть эти огни?

Карл задумчиво покачал головой, глядя в глаза Михаила и морщась от звука сирены:

– Окей. Допустим. Сэр, можете опознать этих людей? – Шериф протянул Михаилу монокуляр.

Взглянув вооруженным глазом, Крашенинников разглядел троих человек у берега реки, южнее полукруглого холма.

– Да, я знаю этих людей.

– Не могли бы вы рассказать о них? Охарактеризовать как-то. Я не прошу вас выдавать какие-то русские секреты. Просто эти люди пугают моих людей. И я хочу знать, с кем имею дело.

– Где сигнальная ракета, что ваши люди нашли в моей машине?

Джонсон усмехнулся, показывая цилиндр.

– Меняю на полотенце, – сказал он. – Зачем тебе ракета, Миша? Ты хочешь им подать какой-то сигнал?

– Я полагаю, что если вы дадите им знак о понимании их намерений, то эта чертова сирена, наконец, замолкнет. Сиг-

нальная ракета как раз для этого подойдет.

– Вы, правда, считаете нас такими глупыми? – зло проговорил шериф. – Вы, правда, считаете, что мы ответим этим людям вашей сигнальной ракетой и тем самым подадим ваш сигнал?

Крашенинников вздохнул:

– Сигнал к чему?

– Это вы мне скажите. А что если наш снайпер подстрелит сейчас того, кто крутит эту чертову воющую центрифугу?

– И вы начнете войну. Неужели вы на самом деле рассматриваете такой вариант?

– Полагаю, что им самим столь же неприятно слушать этот вой, как и нам. А значит, сирена должна стихнуть сама, – сказал Джонсон. – Тем более, на такой дистанции никакой снайпер не сможет поразить цель.

Здоровяк оказался прав, и шум начал стихать уже через полминуты после его слов.

– Ну что ж. Уже не плохо, – покачал головой Карл. – И тем не менее. Что вы можете о них рассказать, Майкл?

– Тот, что в центре, это Андрей Жаров. Один из лидеров. И, сказать по правде, из всех известных мне людей, живущих в настоящем времени, он последний, с кем бы я хотел встречаться.

– То есть, это плохой человек. Я правильно вас понял, сэр?

– Поверьте, мне очень хочется сказать – да. Но еще больше я пытаюсь быть объективным и не давать своим эмоци-

ям и обидам диктовать моему разуму. Он фанатично предан своим идеалам. Последователен и строг. Он может угрожать лично. Но если вдруг, человек, которому он угрожал, попал в какую-то стихийную беду, то может так же и поинтересоваться, не нужна ли тому помощь. А ведь на такое не многие способны, верно? Он верит в свою правоту и не любит признавать ошибок.

– Хорошо. А что вы скажете про того, похожего на байкера, у которого флаг в руках?

– Это не флаг, шериф. Это тельняшка.

– Тельняшка? Что это такое?

– Элемент одежды русских моряков и десантников. Человек, что держит ее как флаг – это Александр Цой. Один из лидеров. Его далекие предки из Кореи.

– Из северной? – насторожился Риггз.

– Я не знаю из какой, шериф. И если честно, мне все равно. Боюсь даже предположить, что вы думаете о любом северном корейце. Наверное здесь вы можете посоревноваться с людьми с того берега и их мнением об американцах.

– Ладно. Это действительно не столь важно. Каков он, этот кореец?

– Он не такой, как Жаров. Он веселый. Любит поесть. Любит шутить, в том числе и над собой. Достаточно отважен, ведь он, невзирая на опасность...

Михаил вдруг замолчал, поняв, что едва не сболтнул лишнее. Упоминать атомную подводную лодку, пусть и лишен-

ную реакторов и вооружения, он не желал.

– Что вы хотели сказать, Майкл? Говорите, прошу вас.

– Он много чего делал, невзирая на опасность и большой риск для собственной жизни. Но ради своих людей он не только готов рисковать сам, но и подвергнуть риску других. Посторонних. И также не следует забывать, что он и Жаров, как и все члены приморского квартета – друзья с раннего детства.

– Хорошо, а кто третий? Мне показалось, что он гораздо старше двух остальных.

– Так и есть. Он гораздо старше и меня, в том числе, и Джонсона. Наверняка и вас тоже, шериф. Это Евгений Сапрыкин. Я мало о нем знаю. Про него всякие слухи ходят, но не помню, чтоб он опроверг или подтвердил какой-то из них.

– Так, а что за слухи?

– Чаще всего говорят, что он был какой-то ученый и что как-то помогал квартету, когда тот уничтожал банды. Больше мне добавить нечего.

– Что думаешь, Джонсон? – Теперь Карл обратился к своему соратнику.

– Они заявили о себе, вместо неожиданной атаки. Следовательно, этим шумом они призывают нас на переговоры.

– Ну, втроем нападать было бы глупо.

– А их и не трое, Карл.

– Ты видишь еще кого-то?

Рон мотнул головой:

– Нет. Но я вижу местность. Там крутой обрывистый берег, примерно девять футов высотой⁸. Вокруг достаточно поваленных деревьев, за которыми можно спрятаться. А еще тот холм.

– Следовательно, это может быть ловушка?

– Вполне, – кивнул Джонсон. – Но скорее, нам показались всего три человека из соображения безопасности. Чтоб мы не перестреляли сразу всех. Они проверяют нас. Мы либо выйдем к ним, либо откроем огонь. И тогда остальные атакуют. Я бы поступил именно так.

– Ну что ж. Тогда я выйду к ним.

– Это не очень хорошая идея, Карл. Если все-таки они задумали какой-то трюк, то тебе лучше оставаться в безопасности. Пойду я.

– Рон, Майкл сказал, что там двое из четырех лидеров. Будет с моей стороны трусостью прятаться за спинами. Собери еще пятерых наиболее крепких ребят, и мы пойдем на переговоры.

– Хорошо, – кивнул Джонсон и отправился вниз.

– Майкл, из них кто-нибудь говорит по-английски?

– Я не имею понятия, – пожал плечами Крашенинников. – Насколько мне известно, вашего языка они не знают.

– Тогда нам нужна ваша помощь.

– Я, конечно, не против. Но в нашу последнюю встречу Жаров четко нам дал понять, что убьет, когда увидит в сле-

⁸ 1 фут равен 30,48 см.

дующий раз.

– Окей, – Карл с необычайной легкостью воспринял отказ Михаила, словно именно такого ответа и ждал. Теперь он взглянул на молчавшую все это время Оливию. – Миссис Собески. Вы ведь помните о своем гражданском долге и о клятве американскому флагу, что вы давали, не так ли? К тому же, вы хорошо владеете русским языком.

– Даже думать об этом не смей! – рявкнул Михаил раньше, чем Оливия смогла ответить.

– А в чем проблема, Майкл? Она гражданка США, а в нашей стране равные права женщин гарантированы законом. К чему эта ваша дискриминация?

– Не надо мне этих ваших пропагандистских штампов, мистер! Во время Второй мировой войны в армии моей страны были женщины снайперы, пилоты и танкисты⁹. А потом и первая в мире женщина, полетевшая в космос!¹⁰ Мы здесь не о проблемах феминизма говорим, а об объективных вещах. Я не могу позволить вам рисковать моей женой!

⁹ Например, советский летчик истребитель Лидия Литвяк (1921–1943). Занесена в Книгу рекордов Гиннеса как сбившая наибольшее количество самолетов противника среди женщин пилотов. Погибла в бою. Александра Самусенко (1922–1945). Командир танка Т-34 и единственная женщина – заместитель командира танкового батальона во Второй мировой войне. Именно в ее подразделение вступил добровольцем американский парашютист Джозеф Байерли из 101 дивизии «Кричащие орлы», бежавший (в третий раз) из немецкого плена. Александра Самусенко погибла от ран, полученных в бою.

¹⁰ Первая женщина-космонавт Валентина Владимировна Терешкова. Ее первый полет в космос состоялся 16 июня 1963 года и длился около трех суток.

– Может, все-таки, вы позволите миссис Собески что-то сказать на этот счет, сэр?

– Миша, почему ты решил, что мне будет легче позволить ему рисковать тобой? – тихо сказала Оливия.

– Ну, отлично! – в сердцах взмахнул руками Крашенинников. – Мы зашли в тупик! Тогда давай поступим так. Кто из нас больше раз поднимет шестнадцатикилограммовую гирию, и кто дальше после этого метнет камень, тот и пойдет переговорщиком!

– Это подло, Миша, – нахмурилась она.

– Подло? – изумился Михаил. – Нет, милая. Это честно. И это никоим образом не должно тебя оскорблять. Не о твоих правах, как женщины, речь! Во время схватки с росомхой ты проявила себя великолепно! И я не сомневаюсь, что есть множество мужчин, которые в состязании по подниманию гири и метанию камня тебе проиграют! Но объективно, здесь и сейчас, я физически сильнее! Антонио мужчина, как и я, но я не позволю шерифу взять его в переговорщики так же, потому что у него травмирована нога и если придется бежать, он этого сделать не сможет! Так что пойду я!

– Вот и замечательно, – усмехнулся Карл, явно довольный тем, как быстро Крашенинников поменял свое решение и заменил отказ своим согласием участвовать в переговорах. – Но вашей ракетой мы пользоваться не будем. И лучше, пусть она находится под контролем Джонсона.

– Ну и где они? – нетерпеливо проворчал Жаров. – Может, я опять на этой шарманке сыграю?

– Не надо, – отозвался Цой. Он наблюдал в бинокль за поселением, засунув флагшток тельняшки в чехол с обрезом на спине куртки. – Вижу, что там суета. И нас, похоже, они заметили. Дай им время. Они придут.

– Да я уже задолбался их ждать. Что там еще видно?

– Да то же, что и в прошлый раз. Но людей больше. Гораздо больше. Вижу «уазик» вулканологов. Он теперь на возвышенности. У дальних уцелевших строений.

– У американцев есть оружие?

– Да есть. У многих.

– Вот черт...

Закуривший трубку Сапрыкин покачал головой:

– Я вам напомню, ребята, что в Америке законом разрешалось покупать и носить огнестрельное оружие. И почти никаких ограничений не было. Разве что в Калифорнии. Из этого следует, что едва ли у них есть ощутимая нехватка в стрелковом вооружении. Более того, я подозреваю, что большинство из них стреляет лучше, чем большинство из нас. Вы с людьми в общинах стрелковую подготовку как часто проводили? Отвечу сам, за вас. Очень редко. Из-за экономии патронов.

– Вот почему у нас закон оружие не разрешал? – вздохнул с сожалением Цой.

– И, слава богу, – усмехнулся Евгений Анатольевич.

Жаров посмотрел на Сапрыкина:

– Это еще почему?

– Да потому что. Нет, если бы у нас такой закон приняли тоже лет двести назад, то ладно. Мы бы давно оставили в истории период, подобный тому, который в американском кинематографе назван «дикий запад», когда по стране шастали крупные банды разной степени отморозенности и иногда даже брали под контроль небольшие города. Вы же помните, как «замечательно» мы жили, когда и у нас после войны появились такие банды. По сути – мини-армии. Для государства, принявшего такой закон, нужны долгие годы для преодоления тяжелой и кровавой стадии взросления общества, которому доверили личное оружие. И кто бы дал нам это время? Мы не были отгорожены от остального мира двумя океанами. У нас кругом границы. У нас постоянно какая-нибудь война или революция. А в последние годы существования цивилизации в нашей стране и нашем обществе было посеяно столько зерен противоречий, агрессии и вражды... Наше общество было настолько атомизировано, что я боюсь даже представить себе, как бы мы жили. Вы родились и выросли в маленьких городках. Но едва ли вы представляете себе, каково было в крупных мегаполисах. Идешь вечером в ближайший магазин за пачкой сигарет и не знаешь толком,

придется ли тебе бить по пути кому-то морду, или кто-то морду набьет тебе. Может, к тебе пристанет пьяница, или группа подростков, ищущих острых ощущений, или группа кавказцев, ищущих повод показать, какие они бойцы, или группа националистов-скинхедов, ищущих кавказцев, либо людей отдаленно похожих на кавказцев, чтоб показать им свое отношение, либо шайка тупорылых футбольных фанатов... Вот было бы «весело», если бы каждый из них перед этим мог пойти в магазин и купить пистолет или штурмовую винтовку. Прежде чем в стране снижать ограничения на торговлю оружием, надо привести в порядок общество.

– Я что-то не вижу логики, – возразил Андрей. – Если у нас кругом границы и постоянно какие-то войны, то может было бы правильной, чтоб граждане имели оружие и умели стрелять?

– Логики он не видит, – фыркнул Евгений Анатольевич. – Вот в том и дело. С логикой у нас в стране было трудно. Зато эмоций сверх меры. Раздавать оружие там, где эмоции, это как курить на пороховом складе.

– Идут, – сказал Цой. – Восемь человек.

Жаров выдавил презрительную усмешку:

– Вот как они нас боятся. Мы втроем, а их восемь человек сюда идет.

– Дело не в страхе, – сказал Сапрыкин. – Просто они не дураки и понимают, что едва ли нас столько, сколько стоит на виду.

– Миша с ними, – сообщил Цой.

– И все-таки я не верю, что ты не знал про бомбу и про ее местоположение, – покосился на Евгения Анатольевича Андрей.

– Если бы я знал, где эта чертова бомба, мне было бы легче ее нейтрализовать, чем стоять тут и составлять тебе, Андрюша, компанию.

– А как нейтрализовать водородную бомбу, дядя Женя? – спросил Александр.

– Да легко. Вообще, называть бомбу водородной не совсем верно. Она все-таки термоядерная. Водорода в ней нет. Есть адекватный заменитель. Дейтерид лития. Просто водород это газ, а для бомбы нужно, чтоб его агрегатное состояние представляло собой твердое вещество. Ну а обезвредить бомбу можно, уничтожив ключ детонатора, или сам детонатор. Без него вы едва ли сможете синхронизировать подрыв взрывчатого вещества настолько равномерно, чтоб этот подрыв одинаково со всех сторон давил на плутоний. Это слишком сложное устройство. Саму же бомбу неплохо было бы залить цементом или бетоном. В ней находится плутониевый триггер. По сути, атомная бомба небольшой мощности. Триггер служит для того, чтоб запустить реакцию синтеза легких элементов в более тяжелые. Взрывается плутониевый заряд, и каждая пара атомов дейтерида лития, что его окружают в бомбе, превращается в один атом гелия. При этом выделяется такое количество энергии, что... Впрочем, вы сами

прекрасно помните тот день, когда такая штука взорвалась. И вы сами видите, справа от нас, остатки города, который оказался между двумя подобными физическими явлениями. Так вот. Сплав дейтерида лития может еще много и много лет лежать и не терять своих свойств. Специальная взрывчатка, которая обжимает плутониевый триггер и при взрыве вызывает критическую массу этого плутония, от которой он взрывается, тоже пролежит много лет. Но вот с самим плутониевым стрержнем совсем другая история. Он нестабилен. Каждый день, каждый час и каждую минуту от момента своего рождения, он испускает альфа-частицы, безвозвратно теряя их. Даже сейчас, пока мы болтаем. Он стареет, прямо как человек. Да, он и через сорок лет и через пятьдесят будет опасен, источая радиацию. Но к тому времени вспыльчивость своей юности он растеряет настолько, что его уже не удастся взорвать. А он в свою очередь не сможет продемонстрировать нам магию термоядерного синтеза. Так что, учитывая примерный возраст бомбы, через десять – двадцать лет она будет просто мертвецом. Опасным и заразным, но все-таки мертвецом.

– Чего только не придумают, – проворчал Андрей. – Долбаные взрослые...

* * *

– Только не надо этих ваших зубастых американских улы-

бок, – проворчал Михаил. – Не вздумайте им улыбаться. Сделаете только хуже.

– Странные вы, русские, – вздохнул Карл, пристально глядя вперед, на троицу людей вдаль, к которым они с каждым шагом приближались. – Угрюмые. Не любите улыбаться, и когда кто-то улыбается вам...

– Мы улыбаемся, Карл. И делаем это чаще, чем ты думаешь. Мы любим улыбаться. Любим шутить. И любим, когда нам улыбаются. Но нам столько лгали... Лгали соседи, союзники, партнеры и, конечно же, враги... Нарушались международные договоры, пакты о ненападении, гарантии не расширения военных альянсов... Потом нам лгали о нашей истории. Сказали, что наша история нам лгала. Наши нервы испытывали на прочность своей ложью проповедники, реформаторы, информаторы, агитаторы, кураторы, дикторы и наши собственные власти. Улыбка для нас, Карл, – это особый уровень взаимного доверия. Она очень редко надевается на лицо, в качестве маски. Гораздо чаще она бывает искренней. Но ведь искренность надо как-то заслужить, не так ли? И в нашем понимании, если незнакомец тебе улыбается, то, скорее всего, он задумал какую-то пакость. Хочет обмануть. Так что не вздумайте им улыбаться. Будет только хуже.

– Неужели все так плохо, Майкл? Улыбка незнакомца – признак агрессии для вас?

– Нет. Я вам приоткрываю секреты менталитета. В магазинах нам улыбались продавцы, а мы улыбались им. Как пра-

вило. И это не было агрессией. Вот скажите, если бы где-то в США я уступил сидячее место в общественном транспорте женщине, она подала бы на меня в суд за дискриминацию по половому признаку?

Шериф засмеялся:

– Теоретически могла бы. Но поверьте, такой глупостью мало кто занимался.

– Вот видите. А у нас ходил такой стереотип о вас. Будто ни в коем случае нельзя женщине уступать место. А из элементарной вежливости открыть перед ней дверь, это вообще сексуальное домогательство. Но это не было обыденной нормой у вас. Так и мы. Конечно, мы улыбались и улыбаемся. Но чаще, мы улыбаемся тем, кого знаем и кому доверяем. И так же нам предпочтительны улыбки от них, а не от неизвестного нам парня, сидящего напротив, глазеющего на нас и неизвестно от чего скалящего зубы.

– Я понял, Майкл. Это как с чаевыми. Вот, казалось бы, ты пообедал в ресторане, и хочешь официанту сделать приятное. Оставляешь чаевые. У нас вообще так принято. Но если ты это сделаешь в Японии, то официант решит, что ты его оскорбляешь. Верно?

– Да, – кивнул Михаил. – Я был в Японии. Ездил на международный семинар по сейсмологии и вулканологии. Меня там первым делом предупредили, что в гостинице, в которой я жил, нельзя давать чаевых. Я даже слышал историю об одном своем коллеге из Калифорнии, за которым официант из

ресторана этой гостиницы гнался почти целый квартал в Токио, чтоб вернуть тому деньги.

– Поразительно, насколько разные люди населяли этот мир, – вздохнул шериф.

– Не люди разные, на мой взгляд. Я много общался с иностранцами по долгу своей работы и поражался не разности, а как раз наоборот. Тому, насколько легко можно найти общий язык и ощутить родство между различными представителями человеческой расы. А вот культурные особенности разные. Да. Разные и интересные. И их всегда следовало учитывать. И друга из Индии, с которым вы великолепно ладите, лучше не водить в ресторан, где подают говяжьи стейки.

– У нашего доктора родители были из Индии. Но стейки он любит до сих пор, хотя о говядине мы давно не слышали, – улыбнулся Карл.

– Он же вырос в Америке. В другой культурной среде. Вон, кореец Александр Цой. И он – русский. Потому что родился и вырос здесь. В другой культурной среде, которая и сформировала его как личность. И ничего плохого в этом нет. Люди похожи настолько же, насколько они разные... Особо занятно это наблюдать в употреблении идиоматических выражений. Раньше, когда Оливия еще плохо говорила по-русски, мы чаще общались на вашем языке. И она иногда говорила странную фразу: «Пахнет крысой». Меня это, признаться, долго ставило в тупик. Я принохивался и все искал этот запах. А Оля, оказывается, говорила о том, что подозре-

вает что-то нехорошее. Какой-то подвох. Сейчас она об этом уже и не помнит, наверное.

Шериф рассмеялся:

– То есть, занимаясь поисками крысы и ее запаха, ты стегал дохлую лошадь?!¹¹

– Именно!

Теперь они смеялись вместе.

– Да, Майкл, после всего, что ты рассказал, я вдруг задумался, насколько удивительный мир взаимных открытий перед нами раскрылся бы, если б люди занимались улучшением понимания друг друга. Это как лететь на звездолете «Энтерпрайз» по галактике и исследовать ее. Не разрушать то, что трудно понять.

– Да, если бы мир мог быть чуточку лучше и разумнее, то все вместе мы могли бы построить этот звездолет.

– И нашлось бы на нем место всем. И Кирку, и Чехову, и Сулу, и Споку, и Ухуре, и Скотти...¹² – кивнул с грустью Карл.

– Мы приближаемся, – строго сказал Джонсон. – Все помнят, кто и как должен стоять? Я не хочу сейчас устраивать шоу, расставляя вас по назначенным местам, как фигурки на шахматной доске.

¹¹ Стегать дохлую лошадь (To flog a dead horse) – еще одна англоязычная идиома, которая означает: «заниматься бесполезным делом».

¹² Персонажи оригинального сериала «Стар трек». Экипаж звездолета «Энтерпрайз».

– Мы все помним, Рон, – закивали охранники.

– Отлично. И помните. Первым запах крысы замечу я. Меня этому учили годами. Так что не дергайтесь, даже если на вас наставят оружие. Четко выполняйте мои инструкции.

* * *

Еще несколько дней назад он не испытывал никаких сомнений в отношении той страны, что некогда находилась по ту сторону Тихого океана и ее жителей. Но что-то изменилось, и он это чувствовал. Только вот не мог Александр понять, когда именно это произошло. В тот миг, когда он представил, как они казнят Оливию, или вчера, когда он увидел в бинокль бегающих друг за другом, резвящихся на солнце и радующихся короткому лету детей?

Если не всю его жизнь, то, по крайней мере, тот ее период, что прошел после взрыва, они и их страна была для него абсолютным воплощением зла. Но сейчас он смотрел на них с любопытством и, наверное, немного растерянно. Американцы не были похожи на монстров. У них не росли рога, не было копыт, как у карикатурных слуг сатаны, и лица их не перекашивали оскалы окровавленных плотоядных клыков.

Сейчас Цой смотрел на обычных людей, и вся нелепость ситуации заключалась в том, что долгие годы все они думали о других выживших в этом мире и, столкнувшись с таковыми по какому-то невероятному стечению обстоятельств, сра-

зу оказались с ними на грани войны. Но Александр смотрел на них и не мог найти причин, по которым они непременно должны воевать. Он будто смотрел в зеркало и размышлял над тем, есть ли смысл в кулачном бое с собственным отражением.

Чуть повернув голову, Цой посмотрел на Андрея. Жаров, похоже, подобными размышлениями себя не занимал. Весь его вид, будь то напрягшиеся мышцы, навалившиеся на воспаленные глаза брови или сжатые как пружина губы, говорил о том, что его друг едва сдерживается от непреодолимого желания броситься в атаку на людей, что сейчас стояли в нескольких шагах перед ним.

– Здравствуйте. Рад приветствовать вас, друзья, – сухо произнес Карл, внимательно глядя на троицу с другого берега. Михаил так же безэмоционально перевел его слова.

– Друзья? – Андрей усмехнулся, и в голосе его слышалось наигранное изумление. – Когда же мы ими стали, а?

Шериф дождался, когда Крашенинников переведет, и тихо хмыкнул, чуть тронув поля своей шляпы кончиками пальцев.

– Действительно. Ведь мы друг друга видим впервые. Но ведь это не значит, что мы враги. Разве не так? Я бы предпочел в вашем лице увидеть потенциальных друзей и готов ответить тем же.

– Да пошел ты в жопу...

– Слушай, Жар, – нахмурился Михаил. – Ты уверен, что

хочешь, чтобы я это перевел?

– А в чем дело, Миша? Ты чего-то боишься? Или думаешь, это я испугаюсь этих твоих заокеанских хозяев и побояюсь сказать им в лицо то, что о них думаю?

– Они мне не хозяева...

– Да неужели?! А если тебя сейчас потрясти, из тебя не посыплются тридцать серебряников, иуда? Чем они тебя купили? В этом мире разве еще есть деньги? Или они продолжают печатать свои гребаные доллары? Отвечай, предатель!

– Минуточку! – громко сказал Цой и, резко схватив Андрея под локоть, повел в сторону.

– Саня, какого хера ты делаешь?!

– Замолкни, – шикнул на него Александр и, удостоверившись, что отошли они достаточно далеко, продолжил тихо говорить. – Ты что несешь, придурок? Мы должны убедить Мишу вернуться. И как мы это сделаем, если ты будешь метать в него дерьмо?

– Да я просто...

– Заткнись и дай мне с ними говорить, пока ты все окончательно не испортил...

Карл хмуро смотрел в их сторону, потом слегка повернулся лицом к Крашенинникову.

– Дай угадаю, Майкл. Что-то пошло не так?

– Похоже на то. Но ты здесь пока ни при чем, похоже.

– Это не сильно обнадеживает.

Шериф бросил взгляд на третьего русского. Но седой

пожилой человек выглядел настолько скучающим и равнодушным к происходящему, что вся эта встреча казалась каким-то сюрреалистичным, бредовым сном.

Андрей и Александр тем временем вернулись и встали на свои места.

– Слушай, Миша, ты извини нас, – обратился Цой к Крашенинникову. – Сам знаешь, какие деньки выдались. Уже забыли, когда нормально спали в последний раз. А это изрядно на нервы давит...

– Знаешь, Саня, меня бы тронули твои извинения, но после того, как вы вынесли мне и моей семье смертный приговор, пообещав убить при следующей встрече, они звучат очень странно. И это мягко сказано.

– Я понимаю, Миша, – виновато вздохнул Цой. – Мы были не правы, и чуть позже это обсудим. Но для начала, я думаю, нам надо как-то друг другу представиться, верно?

– Было бы неплохо. Для начала.

– Что ж. Я Александр Цой. Это Андрей Жаров. А это... – Он посмотрел в сторону Сапрыкина, но тот вдруг достал носовой платок и начал неприлично громко в него сморкаться. – Впрочем, не важно. Важно то, что я и Андрей представляем правительство общины выживших Камчатки.

Крашенинников кивнул и перевел.

– Рад знакомству, – Карл приподнял шляпу, тут же опустив на место. – Я Карл Монтгомери Риггз. Шериф и глава общины выживших с Алеутских островов штата Аляска. На-

ша община называется Нью Хоуп. Надеюсь, вы отнесетесь с пониманием к тому, что мои люди встревожены и всех волнует вопрос о ваших намерениях?

– Что?! – воскликнул Жаров, выслушав перевод.

– Андрей, погоди, – обратился к нему Цой, но тот был уже слишком взвинчен.

– Нет, это ты погоди, Саня! Наши намерения?! Это еще что, черт возьми, значит, а?! Мы на своей земле! В своей стране! У себя дома! Это мы должны, и очень настойчиво, спросить, какого черта здесь делают американцы! Вот наши намерения! А еще, наши намерения жить на своей земле и потребовать, чтоб над ней не развевался тот флаг! – Жаров вытянул руку в сторону поселения американцев.

– Чем вам мешает наш флаг, сэр? В моей стране было много мест, где реял ваш, русский флаг. Международные ярмарки, дипломатические миссии, улица перед зданием ООН. Никому у нас ваши флаги не мешали.

– С тех пор кое-что поменялось в мире, если ты не заметил.

– Наша необоснованная вражда, как я вижу, ничуть не изменилась, – вздохнул Карл. – Однако должен вам заявить, что язык ультиматумов для нас неприемлем. Мы не выполняем требований, предъявленных языком угроз.

– Ах, да, конечно! – воскликнул Андрей. – Вы не любите, когда вам ставят ультиматумы и когда вам угрожают! Потому что вы это считаете своей исключительной прерогативой!

Всем угрожать! Всем предъявлять ультиматумы! Рыскать по всему миру, как банда рэкетиров по району, и требовать безусловного подчинения вашей воле!

– Слушайте, мистер Жаров. У меня складывается ощущение, что вы бросаете мне такие обвинения не потому, что вы за какую-то абстрактную справедливость, а из зависти. Будто вы завидуете тому, что моя страна могла себе позволить действовать так, как ей вздумается, по всему миру, а ваша – нет. Да, я американец. Но здесь и сейчас я отвечаю только за себя и за тех людей, с которыми мы пережили чертов апокалипсис. Мы не на кого не нападали. Мы никому не угрожаем и не предъявляем требований. И я не пророк Моисей, чтоб сорок лет водить свой народ по пустыне. Но почти половину этого срока мы и так скитались с одного холодного острова на другой. Но теперь мы здесь. Мы здесь не по своей прихоти. Мы здесь, потому что нам больше некуда идти, и мы хотим выжить.

– Мне плевать. Это не наши проблемы!

– Послушай, Андрей, – взял слово Крашенинников. – Это ведь обычные люди. Там женщины и дети. Там есть и старики. Мы же можем жить по-другому. Вопреки тем властям, держащим подонкам, мировым элитам, что привели мир к катастрофе. Если мы найдем способ мирно сосуществовать, то тем самым забьем осиновый кол в могилу тех тварей, что погубили наш мир. Давай рассуждать прагматично. Вы выращиваете рожь, картофель и много чего еще. Если вы по-

делитесь семенами с американцами, то они в уплату будут какое-то время отдавать часть урожая. У вас есть фермы с кроликами, курами, овцами, поросятами и коровами. У вас есть лошади. Можно с американцами поделиться частью животных, чтоб они тоже могли их разводить. Но и им есть, что отдать взамен. К примеру, их поселение не пострадало от цунами. Им нет нужды восстанавливать множество жилищ. Но они могли бы отплатить вам заготовкой дров. Кругом полно поваленных деревьев после цунами. Это позволит освободить много рабочих рук в Приморском и Вилучинске и позволит быстрее восстановить жилища. Они живут намного ближе к нерестовым рекам, и это может помочь вам быстрее собрать рыбы и икры на зиму. Неужели непонятно, что если работать и выживать вместе, сообща, то и многие актуальные проблемы будут решены очень быстро и эффективно?

– Что ты несешь? – скривился Андрей. – Мы поделимся с ними семенами и животными для разведения ферм, и они со временем станут сильнее! А что потом? А потом они просто истребят нас, как индейцев! И захватят нашу землю!

– Слушай, ну это же глупо! Эти люди не имеют никакого отношения к тому, как кто-то когда-то обошелся с индейцами! Ведь среди вас есть люди, среди предков которых были люди разных наций... И это замечательные, достойные люди! Но ты же не будешь им предъявлять претензии за нашествия на Русь тевтонского ордена, гитлеровской армии или конницы из Золотой орды?

– Наши люди – это наши люди! А эти американцы – не наши!

– Андрей, погоди, – Цой положил руку на плечо Жарову. – Послушай, Миша, а давай это обсудим дома? В твоих словах, безусловно, есть здравый смысл. Но чего мы здесь об этом спорим? Давай ты вернешься домой, мы с тобой посидим за столом, и в деталях об этом поговорим.

– Вернуться? – изумился Крашенинников. – Я не ослышался?

Александр вздохнул:

– Послушай, Михаил, мы все очень виноваты перед тобой. Мы были не правы. Никита Вишневский даже перестал с нами общаться. Он с самого начала был на твоей стороне, но мы не прислушались к нему. А потом, когда мы вас изгнали, уже и дядя Женя, – он кивнул в сторону Сапрыкина, – обругал нас последними словами. Он объяснил нам, как мы были не правы. Но в тот момент мы пошли на поводу у эмоций. Это было глупо и я со всей ответственностью заявляю тебе об этом. Мы хотим, чтобы вы вернулись и стали полноправными членами нашей общины.

– Саня, а ты не забыл, что моя жена – американка?

– Ничего страшного, Миша. Мы не имеем ничего против...

– Тогда что страшного в том, что эти люди тоже американцы?! Чем они хуже ее, меня или тебя?!

– Вот я и говорю, мы все это обсудим с тобой. Только до-

ма. Возвращайтесь...

– Майкл, не мог бы ты объяснить, о чем вы говорите? – спросил Карл.

Крашенинников быстро довел до него их короткий разговор, и теперь пришла очередь изумляться шерифу.

– То есть основная причина их визита вовсе не в том, что они обнаружили на своей земле американское поселение, а в том, чтоб уговорить тебя вернуться обратно? Майкл, вы не находите, что здесь что-то не так? И вы, конечно, вправе решать, как вам поступить. Но я не могу позволить американской гражданке вернуться туда, где очевидным образом ей может грозить опасность!..

Рон Джонсон не мог не слышать весь этот разговор. Он и должен был его слышать, но не вмешиваться. Перед ним стояла другая задача – безопасность их лидера. Джонсон держался позади всех, и так ему проще было контролировать охранников. Он внимательно наблюдал за тем, чтоб его люди стояли так, как он приказал, чтоб они держали руки так, что можно было быстрее привести оружие в боевую готовность. Они все делали правильно, как он их инструктировал, но Рон не мог себе позволить ослабить контроль. А еще его заботили окрестности. Ближайший полукруглый холм и дальняя гряда из нескольких холмов, плавно переходящих друг в друга. Уж очень удобные позиции для снайперов. Но кроме этого, озабоченность Джонсона вызывал этот седой пожилой человек. Он держался чуть в стороне от русских лидеров и,

казалось, что его не очень заботило происходящее. Джонсон не сразу понял, что тот, при всем своем отсутствующем виде, изучает охранников и его. Этот седой будто кого-то из них выбирал. Теперь было ясно, что пожилой невысокий человек может быть куда опасней, чем тот крикливый русский или его корейский напарник. Рон снова посмотрел в сторону холмов. Солнце светило на них с его стороны, и он искал малейший намек на блик от снайперского прицела. Расстояние, на котором эти холмы находились, позволяло эффективно поражать цели из снайперской винтовки. Но, с другой стороны, если там хорошо обученный стрелок, то наверняка он предусмотрел фактор солнечного света и прикрыл оптику блендой, которую, в конце концов, можно сделать из подручных средств. Что-то не так с этими холмами и старик уже трижды бросил взгляд в их сторону. Что-то не так и с этим стариком.

Рон снова взглянул на него, и теперь седой пристально смотрел Джонсону прямо в глаза. Холодно и с каким-то вызовом. Профессиональное чутье подсказало Джонсону, что сейчас должно что-то произойти.

– Четыре, пять, альфа, – тихо произнес он и двое из охранников тут же сменили позиции, сдвинувшись на несколько футов и отгородив Карла.

Старик вдруг улыбнулся, посмотрел еще раз в сторону холмов и неожиданно опустился на одно колено и начал возиться со шнурком на своем военном ботинке. Джонсон не

сомневался, что это какой-то знак. Одна рука чуть сдвинулась к штурмовой винтовке, висящей на плече. Вторая рука поднесла к глазам монокуляр.

На одной из вершин теперь был виден человек. Он стоял в полный рост, что совсем не характерно для снайпера. Человек подошел к дереву и взмахнул рукой. Затем еще раз и еще. Он чем-то и по какой-то причине бил по дереву. Затем человек отошел и в солнечных лучах что-то мутно блеснуло. Оптика?! Нет... Джонсон пригляделся и понял, что на стволе дерева висит сплюснутая пластиковая бутылка...

Переговоры достигли тем временем такого накала, что никто из участников просто не мог обратить внимание на поведение Сапрыкина, Джонсона, охранников и уж тем более на происходящее где-то в семи сотнях метров от этого места.

– Эта бестолковая болтовня уже достала! – сорвался на крик Андрей. – Выгоняют – он не доволен! Просят вернуться – опять не доволен! Все, хватит!

– Андрей, погоди, – пытался унять его Цой.

– Нет! Все! Ты достаточно сказал и все без толку! А вот теперь говорю я! – Вставив два пальца в рот, он громко свистнул и тут же на ближайшем холме показались вооруженные люди. – Вот так будет лучше! Вам не нравится язык ультиматумов? Посмотрим, как вам понравится язык автоматов и пушек!

– Ты что творишь? – это были первые слова Евгения Анатольевича.

– Что я творю?! То, на что у тебя духу не хватит! Я творю историю!

– Андрей, ты не можешь один... – возразил было Александр, но Жаров не дал ему говорить.

– Один?! – усмехнулся он. – А ну ребята, готовы ли вы освободить нашу землю от иноземных захватчиков и американских империалистов?!

– Да! – закричал хор голосов со стороны холма.

– Ну что, Саня. Я один? Итак! Американцы! Наш разговор подзатянулся и теперь он будет окончен! Я даю вам сутки, чтоб этот человек и его жена вернулись на подконтрольную нам территорию! Если через сутки наши требования не будут удовлетворены, вы на своих шкурах испытаете все, что связано со словом «возмездие»! Мы уничтожим вас всех, до единого!!!

Американцы отходили, выставив во все стороны оружие и прикрывая лидера. Джонсон теперь не стоял за их спинами, а находился между своими американцами и русскими. Он двигался спиной назад и палец уже лежал на спусковом крючке штурмовой винтовки.

– Миша! Крашенинников! – крикнул Сапрыкин и шагнул за ними, но тут же на него уставился холодный оружейный ствол.

– Стоп! – решительно крикнул Рон.

– Черт, – выдавил Евгений Анатольевич, и последний раз посмотрел в глаза уходящему смуглому здоровяку. Затем

резко повернулся и обрушился бранью на Жарова. – Тупой кретин! Ты хоть понимаешь, что наделал?!

– То, что и должен был! А ты, выбирай выражения!

– Теперь любой выстрел будет результатом твоих действий, и любая смерть будет на твоей совести!

– Победа, – усмехнулся Жаров. – Победа тоже будет на моей совести.

Глава 4. Черная птица

Маленькому полуострову досталось крепко. Кто-то даже пошутил, что у полуострова Крашенинникова такая вот несчастливая карма. Много лет назад он принял основной удар термоядерного взрыва, а несколько дней назад мощный удар стихии, именуемой цунами.

Узкий перешеек, по которому проходила дорога, размыло настолько, что полуостров практически превратился в остров, и отряду Вишневого понадобилось около суток, чтоб проложить гати, которые позволят проехать к бывшей базе подлодок телегам и машине.

Несмотря на все беды, что обрушивались на этот клочок земли длиной чуть более пяти километров и шириной около двух, здесь все еще было чем пожить. Перед войной рядом с поселком Рыбачий велись строительные работы по расширению инфраструктуры военной базы и сейчас все эти железные балки, арматура, трубы были весьма кстати для восстановительных работ. Именно этим занял себя Никита Вишневецкий, желая находиться некоторое время подальше от своих друзей, с которыми сейчас пребывал в ссоре. Работа для общего блага позволяла отвлечься от плохих мыслей и уж конечно помогала приносить это самое общее благо.

Еще две телеги, загруженные необходимыми материалами, отправились в общину, и Никита присел на поваленное

дерево, передохнуть. С ним осталось еще четыре человека. К прибытию из Приморского нового рейса из трех телег они должны будут подготовить еще партию груза. Но это случится через пару часов, а пока можно позволить себе отдых.

Вишневский подошел к их машине, «УАЗ – 469» и, достав оттуда свою флягу, отпил немного воды.

– Ребята, а Захара не пора еще менять? – спросил он у своих товарищей.

– Витя уже пошел туда.

Несмотря на то, что нападений зверей больше не было, гигантская россомаха была уничтожена и не менее гигантская медведица больше не показывалась, они все-таки выставили пост на самой высокой точке полуострова, в полукилометре от места погрузки. Именно оттуда и спускался сейчас Захар Золотарев – молодой светловолосый парень, которому на момент всемирной катастрофы было всего года два. Из-за характерных инициалов, Захара иногда называли прозвищем «Тридцать три».

– Что нового в мире творится, Захар? Что удалось разглядеть? – спросил Никита, когда тот спустился к ним и присел на бампер «уазика».

– Со стороны пролива этот полуостров выглядит еще хуже. Будто там не цунами было, а гигантской бритвой прошлись.

– Понятное дело, – хмыкнул пожилой уже Демьян, водитель машины. – Там волна еще в полную силу бушевала. Это

до нас она добралась уже ослабленной этим полуостровом, и то делов наделала.

– Слушай, Халф, а чего это тральщик наш гоняют по бухте без устали? – спросил Захар.

– Ну, так они на северном берегу лагерь для сбора нерестящейся рыбы оборудуют, – устало пожал плечами Никита.

– Да я понимаю. Но вчера тральщик туда ходил. Потом сегодня утром. Вон, Лопухов, когда за трубами приехал, сказал, что туда куча народу с оружием погрузилась на рассвете. И с Вилючинска в том числе. Потом я видел, как корабль вернулся и буквально недавно опять ушел.

– Опять ушел? И сколько он пробыл дома?

– Ну, минут сорок, – пожал плечами Захар.

Никита задумчиво посмотрел в сторону Приморского.

– Ладно. Там Цой, Гора и Жар. Они знаю, что делают. Ну что, товарищи. Продолжим работу?

– Это можно, – кивнул Демьян. – Захар, ты передохни минут пятнадцать и присоединяйся.

– Да я и не устал...

– Потому и пятнадцать минут тебе даем, – улыбнулся Никита.

– Хорошо. – Захар кивнул и уставился в небо.

* * *

– Glenn сказал, что их корабль возвращается, – произнес

Джонсон.

– Так, наверняка на нем идет подкрепление, – вздохнул Карл, склонившись над картой. – А что с оружием этого корабля?

– В носовой части есть орудийная башня. Конечно, я не уверен, что она до сих пор в рабочем состоянии. Но, учитывая ситуацию, надо исходить из того, что она боеспособна.

– Проклятье. Может этот корабль войти вот в это устье? – шериф ткнул в карту пальцем.

– Это то место, где у нас был разговор с русскими?

– Да.

– Я сильно сомневаюсь, Карл. В воде я разглядел много мусора и бревен. Даже очень опытный экипаж едва ли пройдет до этого места.

– А если они расчистят реку здесь?

– Это может занять не один день. При условии, что будет работать много людей.

– Ну, хорошо, Рон. Давай по худшему сценарию. Теоретически. Они расчистили. Корабль вошел сюда. Он сможет вести огонь по нашему поселению из своей орудийной башни?

– Да, – кивнул Джонсон.

– Тогда нам надо придумать, как уничтожить корабль до того, как это произойдет.

Рон с усилием потер лоб, и в выражении его лица угадывалось какое-то сомнение.

– Что? Ты не согласен, Джонсон?

– Я бы предпочел захватить его, а не уничтожать. Работоспособный корабль в наше время, это ведь...

– Это угроза, Рон! Я не возражаю! Если ты знаешь способ, как его захватить и при этом избежать с нашей стороны потерь, то действуй! Но сейчас, в данный момент, ответь на простой вопрос – ты можешь его уничтожить? У тебя же остался твой костюм для дайвинга и у нас есть взрывчатка.

– Можно попытаться сделать это ночью. Но все будет зависеть от того, насколько близко от берега он бросит якорь.

– Хорошо. И ты всерьез подумай над этим. А теперь по нашей диспозиции.

– Так. Вот здесь я выставляю группу Мартина. Здесь – группа Сантоса. Группа Рика займет эту высоту. Точнее, уже заняла. Приходил Дерил. Он доложил, что первый отряд русских окапывается на том холме, где они появились.

– Что, если атаковать их прямо сейчас, пока не окопались?

– Нельзя этого делать до того, как наши передовые отряды укрепятся вот на этих позициях. Мы, конечно, сможем перебить все силы русских на этом холме. Но с полностью открытыми флангами мы при одной выигранной битве проиграем всю войну. Причем сразу же.

– Да, но если русские здесь укрепятся, то нам после этого труднее будет их выбить оттуда, разве не так?

Джонсон кивнул:

– Да. Это так. Но если мы укрепимся в этих местах, вот здесь и еще здесь, то у них будет не так много возможностей

для маневра. А если мы лишим их корабля, то и с подвозом провизии и припасов у них возникнут серьезные проблемы. Нам не придется их оттуда выбивать. Они окажутся в осаде и либо сдадутся сами, либо просто ее не переживут.

– Окей. А что здесь? – Карл провел пальцем, и Джонсон сразу узнал это место.

– Здесь холмистая гряда.

– Если мы займем эти холмы, то нынешние позиции русских окажутся под перекрестным огнем, и мыотрежем их снабжение не только по морю, но и по суше. Верно?

– Конечно, это так. Но ведь и русские не дураки, Карл. Наверняка там их люди.

– А ты уверен в этом?

– Одного человека сегодня я точно видел вот здесь...

– Ты уверен? Когда?

– Когда вы разговаривали, – вздохнул Джонсон. – Если это можно назвать нормальным разговором, конечно.

– Рон, я старался. Но ты видел этого чокнутого Жарова?

– Не уверен, что среди нас не оказались бы такие же чокнутые, будь мы сейчас где-нибудь в Калифорнии и попадись нам группа русских, что поселилась неподалеку.

– Сейчас это уже не имеет никакого значения, Рон. Нам объявлена война...

– Я должен осмотреть эти холмы, – сказал вдруг Джонсон, глядя на карту.

– Постой, но ты же сказал, что там русские.

– Тем не менее, мы не знаем этого наверняка и я должен их осмотреть.

– Но это может быть опасно.

– Как ты уже сказал, Карл, – нам объявлена война. И мы все в опасности.

Дверь в офис шерифа распахнулась. Снаружи слышались крики. Споря и ругаясь с охранниками, на пороге показались Михаил и Оливия.

– В чем дело?! – крикнул Риггз, шагнув к двери.

– Послушайте, офицер, вы должны это остановить! – кричала Оливия.

– Что, что я должен остановить, миссис Собески? – шериф накрыл свои пометки на карте шляпой. – Впустите их, пусть войдут!

Охранники, наконец, пропустили супружескую пару вулканологов в офис.

– Ваше поселение превратилось в военный лагерь, мистер Риггз! Это безумие!

– Это безумие начал не я, мэ.м.

– Но вы можете его остановить!

– Нет, не могу, – категорично заявил Карл.

– Послушайте, офицер, они хотели, чтоб мы вернулись! Я и Михаил согласны вернуться, если это предотвратит войну!

– Первое – это не предотвратит войну, миссис Собески. Если мы сделаем одну уступку террористам, то они выдвнут новые требования. Более жесткие!

– Черт тебя дери, Карл! Те люди не террористы! – воскликнул Крашенинников.

Риггз шагнул вперед и презрительно усмехнулся:

– Все, кто угрожает американским гражданам – террористы. И заметьте, это ваши друзья развязали мне руки и не оставили другого выбора.

– Выбор есть всегда! Мы пойдем к ним и предотвратим бойню!

– А вот теперь второе, – кивнул шериф. – Вы, сэр, можете уходить. Это ваше право – вы не американец. Но миссис Собески гражданка Соединенных Штатов Америки. И я не допущу, чтоб она стала заложницей террористов.

– Это не вам решать, сэр! – резко ответила Оливия.

– Именно мне. Вольно или невольно американский гражданин может попасть в заложники к террористам – это не важно. Важно то, что моя обязанность предотвратить это. И если понадобится вас арестовать и запереть в подвале, я это сделаю, мэм.

– Вы не посмеете!

– Посмею. Я полицейский. И у нас чрезвычайная ситуация.

– Карл выслушай... – попытался вмешаться Михаил.

– Я вас уже выслушал, – отмахнулся шериф. – Рон, немедленно приставь к этой женщине охрану. Если русский и итальянец захотят покинуть нашу общину, не надо им мешать.

– Да, сэр, – кивнул Рон и шагнул к выходу, но Риггз тут

же окликнул его.

– Стоп! Я ошибся. Вернее, чуть не ошибся. Русский и итальянец могут рассказать террористам, что они здесь видели, какова наша численность и куда сейчас уходят наши вооруженные группы. Взять под домашний арест всех троих.

– Ах ты, сука! – закричал по-русски Крашенинников и ринулся на шерифа, но Джонсон молниеносно схватил его в блок и повалил на пол.

– Миша, прошу тебя, не надо все усложнять, – зашипел здоровяк. – Не вынуждай меня применять силу. Мы оба об этом пожалеем. Я пожалею, потому что не хочу делать тебе больно. Ты пожалеешь, потому что тебе будет действительно больно. Очень больно.

* * *

– Нет, мужики, вот эти гнутые пока в сторону отложим, – сказал Никита. – Сначала приготовим прямые балки и трубы.

К ним быстрым шагом подошел Захар.

– Ребята, там что-то странное.

– Где? – спросил Никита.

Захар протянул ему бинокль и указал рукой:

– Посмотри. Видишь точку в небе? Над перешейком примерно. Я сначала подумал, что это птица. Но это ни хрена не птица.

Вишне夫斯基 взглянул в бинокль. Потребовалось некоторое время, чтоб поймать в фокус эту птицу, или чем бы это ни было. Наведя, наконец, оптику на нужный объект, Никита раскрыл рот от изумления. Какое-то время он даже не мог поверить в то, что видит.

– Ну, чего там? – спросил в нетерпении Захар. – Это ведь не птица?

Никита продолжал рассматривать прямоугольный предмет черного цвета, размером примерно полтора на полтора метра. Тот висел на месте, слегка покачиваясь...

* * *

...первый день летних каникул был пасмурным. Но отец сказал, что это не помеха. Дождя нет. Ветра тоже. И ничто не помешает им проверить на деле подарок.

Отец сдержал свое слово и купил сыну, с отличием окончившему очередной учебный год, весьма дорогую игрушку. Двенадцатилетний Никита с восторгом смотрел на экран своего планшетного компьютера и видел на экране себя и стоящего рядом отца. Но только с высоты полета крикливых чаек.

– Так, правильно. Вот это управлять высотой. Видишь? – отец провел пальцем по экрану планшета. – Он чуть опустился. А вот это вправо...

Дорогая игрушка, жужжа четырьмя винтами, качнулась и

двинулась дальше, к плавучему доку. Затем повернулась на месте и в поле зрения попали причалы, буксир, тральщик и атомная подводная лодка.

– Круто! – радостно воскликнул подросток.

На автомобильную стоянку, рядом с заводом, где они находились, торопливым шагом шел мужчина в форме охраны.

– Так, граждане, это ваша штукавина болтается над военным заводом? – строго спросил охранник. – Вы знаете, что на территории военного завода запрещено фотографировать и делать видеосъемку?

– Простите, – улыбнулся отец. – Так, Никита, давай, возвращай его. Ага, вот так. Развернуть. И теперь к себе. Да. Вот так. Простите еще раз, – вновь обратился он к охраннику. – Мы не делаем снимков и не пишем видео. Я сам на этом заводе работаю.

Он показал свой пропуск.

– Да, но, все равно, – развел руками охранник.

– Все, мы заканчиваем лётные испытания. Сейчас птичка вернется, и мы покажем вам наш планшет, чтоб вы удостоверились в отсутствии фото – и видеофайлов с этого полета. Понимаете, сын, Никитка, учебный год закончил на одни пятерки. Вот я ему поощрение такое выдал.

Охранник улыбнулся, понимающе кивая.

– Зато мой оболтус чуть на второй год не остался. И дорого эта штука стоит, если не секрет?

– Ну, пятнадцать тысяч.

– Ого!

– Да что вы. Это не самая дорогая. Есть гораздо дороже. Но у них и характеристики серьезней.

– Не-е, мой дурень только подзатыльник заслужил, по итогам учебного года, – вздохнул охранник.

Двенадцатилетней Никита еще не знал, что через семь лет собственноручно убьет сына этого человека, поскольку тот станет одним из самых беспощадных убийц среди банд, от которых приморскому квартету еще предстоит освободить Камчатку...

* * *

– Это квадрокоптер, – сказал Вишневатский, глядя в бинокль.

– Что? – удивленные товарищи подошли к нему. – Квадрокоптер?

– Да. У меня был такой, в детстве. Вернее не такой. Мой был намного меньше.

– А что такое квадрокоптер? – спросил Захар.

– Ну, это такой дистанционно-управляемый летательный аппарат. Их еще дронами называли. Обычно, на нем видеокамера установлена и у этого она точно есть. Я ее даже отсюда вижу.

– Откуда в наше время взялась эта штука? – Озадаченный Демьян почесал голову.

– Меня интересует, кто им управляет. Очевидно, он наблюдает за нами, – проворчал Никита. – Погодите-ка. Он улетает. Он понял, что мы его заметили?

– Кто понял? – недоумевал Захар.

– Оператор дрона. Так, Золотарев, возьми автомат и винтовку. Садись в машину. Демьян, давай за руль. Остальные поднимитесь к Виктору. Будьте на чеку. Как только увидите, что мы возвращаемся, сразу спускайтесь все сюда.

– Я что-то не понял, мы будем на «уазике» гоняться за этой летающей штукой? – удивился Демьян.

– Отсюда до мыса Станицкого меньше десяти километров. А дальше Тихий океан. Именно в ту сторону летит дрон. И тот, кто им управляет, не может быть далеко. Во всяком случае, он не дальше мыса Станицкого. Помните главные правила приморского квартета?

– Каждое следующее поколение должно быть умнее предыдущего? – неуверенно произнес Захар.

– Нет. Другое правило.

– Если мы не знаем, что незнакомец друг, мы должны убедиться, что он не враг, – кивнул Демьян.

– Верно. И помните, мы не знаем, кто управляет дроном. Так что оружие держать наготове. Поехали!

Машина рванулась с места, двигаясь по улице Вилкова, затем, из-за завалов, пришлось петлять среди руин города подводников, то по улице Гусарова, то по улице Кобзаря, миная развалины почты, детского сада и жилых домов, где жи-

ли офицеры и их семьи. Далее, узкий перешеек и с большим трудом наведенные гати, на которых машину изрядно трясло. Затем, развилка. Поворот на право – путь в Приморский. Поворот налево – старая дорога, ведущая к мысу Станицко-го. Машина повернула налево, за «черной птицей».

* * *

Рон Джонсон крепко сжимал штурмовую винтовку и вслушивался в каждый шорох. Сейчас с северо-востока к нему медленно, стараясь не производить громких звуков, двигались двое. Джонсон умел различать, что это движутся люди, причем не обученные маскировать свои шаги по траве под дуновение ветра или ежедневную рутину пугливого зайца. Более того, он умел распознавать, что этих людей он знает.

Ими оказалась третья пара. Все шесть человек вернулись к нему и доложили, что вокруг все чисто.

– Странно, – озадаченно нахмурился Джонсон. – Русские не могли не знать, что мы заинтересуемся этими холмами для обороны.

– Рон, в пятидесяти футах, в той стороне, есть одно место среди кустов. Совсем недавно там, на траве, были люди. Судя по тому, как она примята, они там пролежали несколько часов. Их было двое. В земле мы обнаружили следы от сошек. Видимо там была снайперская винтовка.

– Значит, русские были здесь. Но почему они не закрепи-

лись на этих холмах?

– Да разве можно понять этих русских? – пожал плечами другой из вооруженных людей.

– Окей. Я иду к тому дереву. Вы рассредоточьтесь, как я сказал ранее.

Медленно, прижимаясь к земле, Джонсон двинулся вверх по склону, то и дело глядя по сторонам. Дерево было всего в каких-то ста шагах, но расстояние ему пришлось преодолеть довольно долго, поскольку приходилось делать это с осторожностью. Как и ожидал Джонсон, к дереву была прибита сплюснутая пластиковая бутылка. А в ней лист бумаги. Здоровяк внимательно осмотрел дерево, затем саму бутылку. Тут могла быть мина-ловушка. Могла быть, но, похоже, ее здесь нет. Осторожно сорвав бутылку с гвоздя, он разрезал пластик и извлек бумагу. Затем развернул...

«Привет. Останься у этого дерева и на этой вершине один. Сказать уходить твои люди обратно. Жди около 30 минут. Я приду после это время как ты взять письмо. Я буду один. Нам надо говорить. Для безопасности твоих людей и моих людей. Это очень важно».

– Ну что там, Рон? – спросили бойцы, когда он спустился к ним.

– Там было письмо. На английском. Некто просит меня дождаться его у того дерева. И он хочет, чтоб вы ушли. Хочет разговаривать наедине.

– Стоп! А как он узнал?

– Он предвидел. Предвидел, что я приду сюда. И уж конечно, буду не один. Он на это и рассчитывал.

– Кто?

– Какой-то русский, который знает английский язык, но отвратительно пишет на нем.

– А ты не думаешь, что это ловушка, Джонсон?

– Будь уверен, думаю. Но если это ловушка, то почему мы еще живы?

– Да кто знает этих русских? От них что угодно можно ожидать.

– Например, что? Они тут жили много лет и вдруг им на голову свалились американцы. Я понимаю их смятение. Однако, возможно, меня просто хотят взять в плен. Это не исключено. Значит так. Соседний холм видите? Спрячетесь там. Если увидите, что ко мне явится больше одного человека – хорошенько прицельтесь в них. Если увидите, что я начинаю драться с ними – стреляйте. Все ясно?

– Рон, мы тебя одного здесь не оставим!

– Оставьте, потому что это приказ. Уходите.

За все те годы, что горстка людей боролась за жизнь, кочуя по Алеутскому архипелагу, все в общине давно уяснили, что Рон Джонсон улыбочивый и добродушный парень. Но если он говорит что-то делать, то лучше с ним не спорить. Нет, он не пустит в противном случае в ход свои мощные мускулы. Просто никто не хотел, чтоб Джонсон перестал с ним здо-

роваться, и реагировать на приветствия. Этот человек знал очень много о выживании и все полагались на него. Все знали, что он никогда и никого не оставит в беде. Никого, с кем он здоровается, и на чье приветствие отвечает.

Джонсон сел в тени того самого дерева так, чтоб его не было видно с полукруглого холма, на вершине которого авангард русских сооружал укрепления. До холма около двух тысяч футов и оттуда не составит труда его разглядеть. Но была еще одна возвышенность. Гораздо крупнее и выше, чем эта холмистая гряда. Она находилась к северу от того места, где сейчас был Рон, и беспокоила его. Наблюдая в монокуляр, он не обнаруживал там никаких признаков человеческой деятельности, но сопка настолько густо заросла деревьями, что их искривленные, как и большинства камчатских деревьев, стволы, могли скрыть весьма серьезные приготовления. Теперь он начал понимать, почему русские не заняли эту гряду. Они оставили ее им – американцам. И заняв ее, в надежде взять полукруглый холм с русскими в клещи, они сами окажутся под перекрестным огнем с полукруглого холма и той сопки.

– Умно, черт бы вас побрал, – тихо проворчал Джонсон, продолжая размышлять о том, какие еще хитрости могут применить русские в грядущей войне. Спустя некоторое время своих размышлений, Рон взглянул на часы. Надежный механический ручной хронометр никогда еще не подводил Джонсона. И теперь, взглянув на циферблат, он был точно

уверен, что прошло уже полчаса.

– Ну и где ты? – недовольно фыркнул здоровяк, еще раз перечитав оставленное в бутылке письмо.

– Я здесь, – слышался тихий голос.

Джонсон тут же вскинул оружие, направив его на звук.

– Спокойно, приятель. Это лишнее, – снова тот же голос. Затем, всего в двадцати шагах, из высокой и густой травы показались две ладони, которые эту траву медленно раздвинули.

Джонсон догадывался, кого именно он увидит и кто автор записки. Это был тот самый пожилой седоволосый человек невысокого роста и с проницательным взглядом. Правда, теперь он был одет не так, как на переговорах. На нем не было белой футболки и черной жилетки. Теперь он весь облачен в камуфляж, и сверху на нем снайперская накидка.

– Почему я не услышал, как ты подошел? Или ты все время был здесь? Тогда почему тебя не обнаружили мои люди?

– Потому что меня этому учили, – улыбнулся незнакомец. – Ты опустишь когда-нибудь свое оружие? В руках у меня, как видишь, ничего нет. – Он медленно снял с себя маскирующую накидку, свернул и опустил на землю. Затем развел руки и покрутился на месте, демонстрируя странную, большую кобуру на поясе и ножны.

Джонсон опустил штурмовую винтовку.

– Окей. Ты один?

– Как я и обещал, здесь я один. Но мои друзья неподалеку.

Как и твои, что прячутся на соседнем холме.

– Ты хотел поговорить. Говори.

– Для начала, давай познакомимся. Я майор ГРУ. Евгений Сапрыкин. Военно-морские силы особого назначения.

– Что-то вроде наших SEAL's?¹³

Евгений Анатольевич улыбнулся:

– Нет, приятель. Гораздо круче.

– Я слышал, вы, русские, очень любите бахвалиться.

– Это есть, – кивнул Сапрыкин. – Однако в данном аспек-
те вы, американцы, нас намного обошли.

– Мне кажется, это спорное утверждение.

– Тогда давай не будем спорить, и каждый из нас останется
при своем. Итак. Я представился. Твоя очередь.

– Я сотрудник частной военной компании Рон Джонсон.

– Ага, – выдавил смешок Сапрыкин и с какой-то иронией
посмотрел на здоровяка.

– Что? – нахмурился Рон. – В чем дело? И чего ты так на
меня смотришь?

– Это все, что ты можешь о себе сказать, Джонсон?

– У меня такое чувство, что ты сейчас заявишь, будто все
знаешь обо мне.

– Дело в том, что я пришел на встречу, рассчитывая на
очень откровенный разговор. Это не значит, конечно, что ты
от меня узнаешь секреты моей общины, и что я буду выве-

¹³ SEAL – *Sea, Air and Land*. Подразделения сил специальных операций ВМС США. Более известны как «Морские котики».

дывать у тебя ваши секреты. Если все то, что ты мог бы о себе рассказать, является тайной, то я не настаиваю. Но, прошу запомнить, что я тебе назвал себя, не скрывая ничего.

Рон покачал головой, усмехаясь:

– Ну, хорошо. Я офицер военной разведки. Капитан. Я был офицером по координации в условиях реальных военных операций.

– Координации чего?

– Координации действий подразделений частных военных компаний и подразделений регулярной армии США. Корпуса морской пехоты и корпуса рейнджеров. А также взаимодействие с силами специальных операций. Таких как «Дельта»¹⁴, например.

– Ну вот. Совсем другое дело. Добро пожаловать на новый уровень.

– И как ты узнал?

– А я и не знал, Джонсон, – подмигнул ему Сапрыкин.

– М-да. А ты хорош, Ев-джи-неос... Проклятье, до чего же трудные у вас имена! Могу я звать тебя просто Юджин?

– Ну, на что не пойдешь во имя дела мира во всем мире. Называй, если это облегчит наш диалог.

¹⁴ «Дельта» – 1-й оперативный отряд специального назначения Сухопутных войск США.

Половину пути дорога пролегла у самого берега бухты, и движение здесь было не простым испытанием. Огромные лужи и все еще не высохшая грязь напоминали и том, что во время цунами это место находилось под бушующей водой. Но для УАЗа не это являлось наибольшей проблемой, а то и дело преграждавшие путь завалы из деревьев и кустарника. Все это приходилось объезжать. Так они достигли местечка под названием Богатыревка. Здесь было одноименное озеро, имевшее проток в бухту и крохотный населенный пункт на его берегу, состоящий из нескольких давно заброшенных и разрушенных строений. Огибая озеро, дорога уходила на юго-восток и удалялась от берега бухты, одновременно поднимаясь на холмы и сопки. Постепенно машина вышла на участки, до которых цунами не добралось. Однако движение стало не на много легче. Буйная растительность постепенно отвоевывала дорожное полотно, которым человек не пользовался уже много лет. Достигнув вершины сопки, высотой около двух сотен метров, машина остановилась. До Тихого океана, к которому дальше спускалась грунтовая дорога, оставалось немногим более одного километра. С этого места хорошо был виден океан и пологий берег между мысом Станицкого и мысом Средним. Расстояние между этими мысами менее трех километров и здесь Тихий океан вре-

зался в землю полумесяцем, образуя небольшой залив, берег которого представлял собой не скалистую неприступную стену, как немалая часть Камчатского периметра, а больше походил на пляж. Весьма удобное место для высадки с моря. И то, что увидели три человека, находившиеся в километре с небольшим от этого берега, заставило их, на некоторое время, застыть в недоумении и шоке. Никита, Захар и Демьян стояли перед машиной и смотрели на огромный серый корабль. Он не был выброшен сюда штормом много лет назад, и его не приволокло сюда недавним цунами. Нет никаких сомнений, что этот гигант добрался к берегам Камчатки своим ходом. Корабль стоял на якоре в нескольких сотнях метрах от пляжа, и вода между ним и берегом буквально бурлила от движения катеров и лодок, которые доставляли на сушу каких-то людей. Однако часть катеров уходила в пролив. В Авачинскую бухту.

– Мать честная, это что такое?! – выдохнул водитель «уазика».

Никита Вишнеvский хмуро смотрел на происходящее, с трудом веря своим глазам. На берегу уже копошилось несколько сотен людей. С катеров выгружали какие-то ящики, мешки и даже горные мотоциклы и квадроциклы.

– Какого хрена здесь происходит? – дрожащим голосом произнес Захар.

– Демьян, послушай, ты же на флоте служил. Можешь оценить размеры корабля? – спросил Вишнеvский.

– В длину он как минимум двести метров. В ширину – метров сорок. А в высоту, как шестнадцатизэтажный дом, наверное.

– Это ведь военный корабль, Демьян? Посмотри на его палубу. Это же авианосец. Только без самолетов.

– Нет, Халф. Это, скорее, вертолетоносец. Или, еще более вероятно, универсальный десантный корабль, что не отрицает его классификации как вертолетоносца.

– Наш? Или нет?

– Ничего подобного после Советского Союза у нас не было, Никита. Планировали вроде построить или заказать за границей, но у нас точно ничего подобного не было. И что самое хреновое, я не вижу флаг.

Бинокль, висевший на шее Вишневого, был куда мощнее, чем тот, в который смотрел Демьян. Никита поднес его к глазам. Никаких вертолетов на палубе корабля-гиганта не имелось. Однако, большую часть кормы занимали какие-то кустарные двухэтажные сооружения, состоящие из закрепленных на палубе жилых модулей на подобии тех, которыми когда-то пользовались полярные экспедиции. Подобный жилой блок находился и в носовой части, только состоял всего из трех жилых «контейнеров», расположенных в один этаж. На крышах трех домиков располагались башни от бронетехники. На палубе также было довольно плотное движение людей. Туда же опускался черный квадрокоптер. Теперь не было сомнений, что этот летательный аппарат был запущен с

данного корабля. То, что удалось Никите еще разглядеть в конструкции этого пришельца, заставило его позабыть обо всем остальном. Сначала Вишневский решил, что ему показалось, но...

По всему немалому периметру палубы корабля, каждая стойка лееров была украшены человеческим черепом. На тросы же лееров, как бусы, нанизано что-то очень похожее на позвонки. И если черепа человеческие, то и о происхождении позвонков можно долго не гадать.

– Мать твою... – прошептал Никита.

– Что? Что там? – спросил Демьян.

– Посмотри. Посмотри на леера. Возьми мой бинокль...

Водитель отдал свой оптический прибор Захару и взял тот, что протянул ему Вишневский.

– Ни хрена себе... Ну, ни хрена себе! Это ведь не бутафория, а?! Зачем они это...

– Я вижу флаг, – сказал вдруг Золотарев.

– Что? Где?

– Видишь здоровенную надстройку на палубе? Ходовая рубка или как там она называется. Над ней мачта. На ней что-то такое... Как тряпка какая-то. Но вон большой катер двинулся в сторону бухты. А на нем точно такая же тряпка. Видимо, это их флаг...

– Ага, вижу, – отозвался Демьян. Он какое-то время разглядывал знамя, под которым к ним прибыл этот странный корабль. Потом вдруг его руки задрожали, а лицо водителя

побелело.

– Ребята, да это же...

– Что? – Вишнеvский выхватил у него бинокль и также начал искать взглядом флаг.

– Это же человеческая кожа, – договорил, наконец, Демьян.

Уже высадившиеся на берег люди обрастали оружием. Причем, нехваткой такого они явно не страдали. Автоматические штурмовые винтовки, ручные пулеметы, и даже гранатометы. Пришельцы обматывались пулеметными лентами. Надевали пояса с патронами, пистолетными и револьверными кобурами и ножами с мачете, мясницкими тесками и топорами. Складывалось впечатление, что стрелкового и холодного оружия у них было в несколько раз больше, чем самих боеспособных людей. Но и люди выглядели очень странно. Они были странно одеты, у них странные лица и странные прически. Будто эти люди изo всех сил старались избавиться от привычного человеческого облика. Лица разукрашены различными сочетаниями кроваво-красных, черных и белых красок. Рисунки на лицах представляли собой либо сложные и непонятные узоры, либо превращали их в нечто похожее на черепа или звериные оскалы.

Все, что увидели сейчас трое приморцев, походило на какое-то дьявольское воинство, чей визит заставит всех поверить в то, что цунами было лишь маленьким неудобством.

Никита вздрогнул от пронзительного клекота над голо-

вой. Он поднял голову и увидел, что в небе кружит чернокрылый орлан с белыми плечами. Птица отчаянно клекотала, словно хотела сказать что-то троим людям, которые, в отличие от тех пришельцев, все еще сохранили человеческий облик несмотря ни на что.

Затем, совсем рядом, из кустов раздалась автоматная очередь...

Глава 5. Профессионалы

– Сэр, для нужд милиции поселения Нью Хоуп, в связи с угрозой террористической атаки на нашу общину, мы просим вас предоставить нам ваш телескоп.

Антонио Квалья оторвался от своих набросков, сделанных после очередного наблюдения за вулканом, и поднял взгляд. Перед ним стоял рослый афроамериканец с автоматом Калашникова, видимо, американского же производства.

– Проваливай, – коротко ответил Антонио и вернулся к изучению своих зарисовок.

– Сэр, нам нужен ваш телескоп, – продолжал настаивать ополченец.

– А мне нужна Моника Белуччи. И что мне прикажешь делать?

– Сэр, я прошу вас добровольно предоставить мне ваш оптический прибор, для наблюдения за силами террористов, которые угрожают и вашей безопасности в том числе.

– Я наблюдаю за вулканом. Он может угрожать и твоей безопасности в том числе, болван.

– Сэр, я буду вынужден применить силу.

Антонио вздохнул и поднялся со стула. Оказывается, ополченец был не так уж и высок. Во всяком случае, по сравнению с ним.

– Слушай, приятель. А что, если я сейчас возьму этот те-

лескоп и разобью его об твою башку? Это, конечно, не то же самое, что оказаться в постели с Моникой Белуччи. Но хоть какое-то удовольствие я получу.

– Вы угрожаете мне, сэр?

– Как ты узнал об этом? – наигранно изумился Квалья.

Ополченец резко развернулся от толчка в спину. Теперь, в помещении на втором этаже, которое обживал Антонио, находился и Михаил Крашенинников.

– Слышь, ты чего к моему другу пристал? – зло и даже с нескрываемой агрессией рыкнул на ополченца Михаил.

– У нас военная ситуация. Не надо так ко мне подкрадываться, сэр. Я могу стрелять без предупреждения...

– Да я не сомневаюсь! Проваливай из нашего дома!

– Сэр, я обязан реквизировать ваш телескоп для нужд обороны Нью Хоуп...

– Убирайся отсюда, я сказал! И мы требуем, чтоб сюда немедленно явился Рон Джонсон! Я очень хочу обсудить с ним ваши диктаторские замашки!

– Сэр, мистер Джонсон сейчас занят. И я, конечно, сейчас уйду. Но ненадолго. Я вернусь с шерифом Риггзом. Приведу его прямо сюда. – Ополченец спустился по лестнице вниз и направился к выходу.

– Давай, давай, убирайся! И приведи сюда еще вашего президента и госсекретаря! – кричал, преследуя вооруженного человека, Михаил. Уже выйдя следом за ним на крыльцо дома, он добавил: – У меня к ним масса вопросов нако-

пилась!

У входа дежурили еще двое вооруженных людей. Мужчина и женщина.

– Сэр, вернитесь, пожалуйста, в дом. Вы под домашним арестом, – спокойно сказал автоматчик, направив на него оружие.

– Даже так? – зло усмехнулся Крашенинников. – Ну, ничего, скоро вашей оккупации придет конец. Видите флаг над вашими головами? Там написано – не буди меня!

Михаил захлопнул дверь и сел на стул в холле, устало уронив голову в ладони.

– Зря ты их дразнишь столь открыто, Миша, – вздохнул спустившийся со второго этажа Квалья. – Это сейчас они ведут себя как хорошие полицейские из голливудских фильмов. Но после того, как прозвучат первые выстрелы и прольется первая кровь, они будут уже другими. Ногами будут ломать двери, прикладами бить по голове. А то и вовсе, устроят в нашем доме тюрьму Гуантанамо. Олю может, и не тронут. Но вот тебе достанется за всех нас троих и за русских с того берега. Моего прадеда, Бенито Муссолини посадил в тюрьму, потому что прадед был коммунист. Потом пришли американцы и освободили Италию от Муссолини и его фашистов. Отца из тюрьмы выпустили. Потом прадеда снова посадили в тюрьму из-за того, что он был коммунист. Этого уже хотели американцы. А все потому, что между ними и Советским Союзом началась холодная война. Ничего не ме-

няется в этом мире.

– Да к черту все это, – простонал Крашенинников, мотая головой.

– А где Оля? – спросил Антонио, осмотревшись.

– Ей вдруг стало плохо и сильно нездоровится. Вот что меня по-настоящему беспокоит, а не тот абсурд и милитаристское безумие, что царят снаружи.

– Нездоровится? Что с ней? – с тревогой в голосе спросил Квалья.

– Если бы я знал, Тони, – вздохнул Михаил. – Час назад у нее началась рвота. Кое-как ей сейчас удалось уснуть... Я страшно за нее боюсь, Тони...

– Послушай, у американцев, я слышал, есть хороший доктор...

– Я не доверяю им! А что если это они ее отравили?! До сих пор мы с тобой пользовались только нашей пищей и водой. Но вчера вечером сюда приходили знакомиться с ней какие-то местные женщины и угощали каким-то ягодным сиропом!

– Миша, зачем американцам травить американку?

– Откуда мне знать? Когда-то, очень давно, жила в Америке девочка Саманта. Как и многие американцы, особенно дети, она боялась, что в любой момент на нее нападут «ужасные» Советы и забросают атомными бомбами. Точно так же, американского атомного нападения боялись в Советях. Так беспощадно работала пропаганда. Саманту все это

беспокоило настолько, что она написала письмо советскому лидеру. Она, наверное, вовсе не ожидала, что это письмо в Советском Союзе опубликуют в главной газете – «Правда» и что страна, которую она так боялась, пригласит ее в гости. И встречали ее в Советской России так, как встречают президентов. Ей было десять лет, когда она написала письмо Советскому правителю. И ей было всего тринадцать лет, когда она погибла в авиакатастрофе где-то в штате Мэн¹⁵. Многие у нас были уверены, что ее гибель подстроена агентами ЦРУ. А потом я узнал от Оливии, что многие в Штатах точно так же были уверены, что ее гибель подстроена агентами КГБ. Так беспощадно отравляла разум людей пропаганда. Скорее всего, это была страшная, трагическая случайность. Одна из многих, что, к сожалению, происходили с самолетами.

– Так неужели и твой разум отравлен пропагандой, если думаешь, что Оле подсыпали какую-то отраву американцы?

¹⁵ Саманта Рид Смит – (1972–1985). Погибла в авиационной катастрофе вместе со своим отцом. Стала всемирно известной после публикации в СССР, в газете «Правда», ее письма, адресованного Ю. Андропову, вступившему в должность Генерального секретаря ЦК КПСС, и после того, как она получила ответное письмо от Андропова и приглашение посетить СССР. Учитывая, что это произошло в период серьезного обострения «Холодной войны», наращивания гонки вооружений (в том числе ядерных) и особо острого накала в пропаганде с обеих сторон, данное событие имело особый резонанс. После гибели девочки, с 1985 по 1995 годы в США существовал «Фонд Саманты Смит». С 1987 года в СССР и по настоящее время в России существует «Центр детской дипломатии имени Саманты Смит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.